

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

R. T.
Berlin, I, 1922

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

*

ВСТУПЛЕНІЕ — ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ — НОЧНАЯ ФІАЛКА — РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ — ГОРОДЪ — СНѢЖНАЯ МАСКА — ФАИНА — ВОЛЬНЫЯ МЫСЛИ

*

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

ВСТУПЛЕНІЕ

Ты въ поля отошла безъ возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красныя копья заката
Протянули ко мнѣ остріе.

Лишь къ Твоей золотой свирѣли
Въ черный день устами прильну.
Если всѣ мольбы отзвенѣли,
Угнетенный, въ полѣ усну.

Ты пройдешь въ золотой порфирѣ —
Ужъ не мнѣ глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть въ этомъ сонномъ мірѣ,
Цѣловать излученный путь . . .

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

1905
Страстная Суббота

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Земля, какъ и вода, содержитъ газы,
И это были пузыри земли.

Макбетъ

На перекресткѣ,
Гдѣ даль поставила,
Въ печальномъ весельи встрѣчаю весну.

На землѣ еще жесткой
Пробивается первая травка.
И въ кружевѣ березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западѣ, рдѣя отъ холода,
Солнце, какъ мѣдный шлемъ воина
Обращеннаго ликомъ печальнымъ
Къ инымъ горизонтамъ,
Къ инымъ временамъ . . .

И шишакъ — золотое облако -
Тянетъ ввысь бѣлыми перьями
Надъ дерзкой красою
Лохмотій вечернихъ моихъ!

И жалкія крылья мои —
Крылья вороньяго пугала —
Пламенѣютъ, какъ солнечный шлемъ,
Отблескомъ вечера . . .
Отблескомъ счастія . . .

И кресты — и далекія окна —
И вершины зубчатаго лѣса —
Все дышитъ лѣнивымъ
И бѣлымъ размѣромъ
Весны.

*

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогналъ тебя кнутомъ
Въ полдень сквозь кусты,
Чтобъ дождаться здѣсь вдвоемъ
Тихой пустоты.

Вотъ — сидимъ съ тобой на мху
Посреди болотъ.
Третій — мѣсяцъ наверху —
Искривилъ свой ротъ.

Я, какъ ты, дитя дубравъ,
Ликъ мой также стертъ.
Тише водъ и ниже травъ —
Захудалый чортъ.

На дурацкомъ колпакѣ
Бубенецъ разлукъ.
За плечами — вдалекѣ —
Сѣть рѣчныхъ излукъ . . .

И сидимъ мы, дурачки, —
Нежить, немочь водъ.
Зеленѣютъ колпачки
Задомъ напередъ.

Зачумленный сонъ воды,
Ржавчина волны . . .
Мы — забытые слѣды
Чьей-то глубины . . .

*

Я живу въ отдаленномъ скиту
Въ дни, когда опадаютъ листы.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на рѣчные цвѣты.

Вотъ — предчувствіе бѣлой зимы:
Тишина колокольныхъ высотъ . .
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, вѣрно, умретъ.

Безначально свободная ширь,
Слишкомъ радостной вѣстью дыша.
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И въ страницахъ осталась душа.

Какъ свѣча, догорала она,
Вкругъ лица улыбалась печаль.
Долетали слова отъ окна,
Но сквозила за окнами даль . . .

Уплывали два бѣлыхъ цвѣтка —
Эта легкая матовость рукъ . . .
Мнѣ прозрачная дѣва близка
Въ золотистую осень разлукъ .

Но живу я въ далекомъ скиту
И не знаю для счастья границъ
Тишиной проживаю мечту.
И мечта воздвигаетъ Царицу.

*

ТВАРИ ВЕСЕННІЯ

(Изъ альбома „Kindisch“ Т. Н. Гиппіусъ)

Золотисты лица купальницъ.
Ихъ стебель влаженъ.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
Въ лѣсныя душистыя скважины.

Тамъ, гдѣ проталины,
Молчать повелѣно,
И весной непомѣрной взлелѣяны
Посѣдѣлыхъ тумановъ развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы въ листвѣ и въ тѣни
Издали начинаемъ вникать въ отдаленныя
трубы.

Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты безкровныя губы.
Чуда! о, чуда!

Тихонько дымъ
Поднимается съ пруда . . .
Мы еще помолчимъ.

Утро сонной тропою пустило стрѣлу,
Но одна — на рукѣ опрокинутой въ высь
Ладонью въ смолистую мглу —
Свѣтляка подняла . . . Оглянись:
Гдѣ ты скроешь зеленаго свѣта ночную иглу?

Нѣтъ, свѣтись,
Свѣтлячекъ, молчаливой понятный!
Кусочекъ свѣта,
Клочочекъ разсвѣта . . .

Будетъ вамъ день беззакатный!
Съ ночкой вы не радѣли —
Вотъ и все ушло . . .
Ночку вы не жалѣли —
И становится слишкомъ свѣтло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленыя, крѣпкія, малыя,
Твари милыя, небывалыя.

Туманъ клубится, проносится
По сѣдымъ прудамъ.
Скоро каждый чортикъ запросится
Ко Святымъ Мѣстамъ.

*

БОЛОТНЫЙ ПОПИКЪ

На весенней проталинкѣ
За вечерней молитвою — маленькій
Попикъ болотный виднѣется.

Ветхая ряска надъ кочкой
    Чернѣется
Чуть замѣтною точкой.

И въ безбурности зорь красноватыхъ
Не видать чертенятъ бѣсноватыхъ,
    Но вечерняя прелесть
Увила вкругъ него свои тонкія руки . . . .
    Предзакатные звуки,
    Легкій шелестъ.
Тихонько онъ молится,
Улыбается, клонится,
Приподнявъ свою шляпу.

И лягушкѣ хромой, ковыляющей,
    Травой исцѣляющей
Перевяжетъ болящую лапу.
Перекреститъ и пуститъ гулять:

— Вотъ, ступай въ родимую гать.
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому звѣрю
— И о всякой вѣрѣ.
И тихонько молится,
Приподнявъ свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звѣриную лапу,
И за римскаго папу. —

Не бойся пучины тряской —
Спасетъ тебя черная ряска.

*

На весеннемъ пути въ теремокъ
Перелетный вспорхнулъ вѣтерокъ,
Прозвенѣлъ золотой голосокъ.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмѣла лица.

И ушла въ синеватую даль,
Гдѣ дымилась весенняя таль,
Гдѣ кружилась надъ лѣсомъ печаль.

Тамъ — въ березовомъ дальнемъ кругу —
Старикашка сгибалъ изъ березы дугу
И примѣтилъ ее на лугу.

Закричалъ и запрыгалъ на пнѣ:
— Ты, красавица, вѣрно — ко мнѣ!
— Стосковалась въ своей тишинѣ!

За корявые пальцы взялась,
Съ бородою зеленой сплелась
И съ туманомъ лѣснымъ поднялась.

Такъ тоскуютъ они объ одномъ,
Такъ летаютъ они вечеркомъ,
Такъ вѣнчалась весна съ колдуномъ.

*

Полюби эту вѣчность болотъ:
Никогда не изсякнетъ ихъ мощь.
Этотъ злакъ, что сгорѣлъ, — не умретъ.
Этотъ кустъ — безъ истлѣнія — тощъ.

Эти ржавые кочки и пни
Знаютъ твой отдыхающій плѣнъ.
Неизмѣнно предвѣчны они, —
Ты предъ Вѣчностью полонъ измѣнъ.

Одинокая участь свѣтла.
Безначальная доля свята.
Это Вѣчность Сама снизошла
И навѣки замкнула уста.

*

Бѣлый конь чуть ступаетъ усталой ногой,
Гдѣ безкрайная зыбь залегла.
Мнѣ болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегомъ, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется въ ноги коня змѣевикъ,
На горѣ безмятежно поютъ голоса,
Все о томъ, какъ закатъ Твой великъ.

Закатилась Ты съ мертвымъ Твоимъ женихомъ,
Съ палачемъ раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой лучъ мнѣ знакомъ,
Тишина Твоя дремлетъ вдали.

Я съ Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдамъ.
Въ этихъ впадинахъ тихая дремлетъ вода,
Запирая ворота безумнымъ ключамъ.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты блѣдно-лазоревый сводъ!
Знаю, вѣдаю ласку Подруги моей —
Старину озаренныхъ болотъ.

Новоселки

*

Болото — глубокая впадина
Огромнаго ока земли.
Онъ плакалъ такъ долго,
Что въ слезахъ изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И бѣлый пухъ смеженныхъ рѣсницъ —
Пробѣгаетъ зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть въ болотѣ.
И тогда говорятъ въ деревняхъ
Неизвѣстно откуда пришедшіе
Колдуны и косматыя вѣдьмы:
— Это шутитъ надъ вами болото.
— Это манитъ васъ темная сила.
И, когда они такъ говорятъ,
Старики осѣняются знаменьемъ крестнымъ,
Пожилые — смѣются,
А у дѣвушекъ — ясно видны
За плечами бѣлыя крылья.

*

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорію Е.

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идетъ, на востокъ.
Вотъ сидитъ возлѣ бѣлой околицы,
Обвѣваетъ ее вечерокъ.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются въ кустахъ
На костыль, на мѣшокъ, на сухарики,
На усталыя ноги въ лаптяхъ.

«Эта странница, вѣрно, не рада намъ —
«Приложилась къ мощамъ — и свята;
«Надышалась божественнымъ ладономъ,
«Чтобы видѣть Святыя Мѣста».

«Чтобъ идти ей тропинками злачными,
«На зеленую травку присѣсть . . .
«Чтобъ высоко надъ елями мрачными
«Пронеслась золотистая вѣсть» . . .

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядятъ на костыль,
Униженно въ травѣ кувыркаются,
Поднимаютъ копытцами пыль:

«Ты прости насъ, старушка ты Божія,
«Не бери насъ въ Святыя Мѣста!
«Мы и здѣсь лобызаемъ подножія
«Своего, полевого Христа.

«Занимаются села пожарами,
«Грозовая надъ нами весна,
«Но за майскими тонкими чарами
«Затлѣваетъ и намъ Купина» . .

*

Осень поздняя. Небо открытое,
И лѣса сквозятъ тишиной.
Прилегла на берегъ размытый
Голова русалки больной.

Низко ходятъ туманныя полосы,
Пронизали тѣнь камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадаютъ листы, шурша.

И опушками отдаленными
Мѣсяцъ ходитъ съ легкимъ хрустомъ и
глядитъ,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышитъ она и не спитъ.

Бездыханный покой очарованъ.
Несказанная боль улеглась.
И надъ міромъ, холодомъ скованъ,
Пролился звонко-синій часъ.

*

ЭХО

Къ зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листвѣ.
И мѣсяцъ холодный стоитъ, не сгорая,
Зеленымъ серпомъ въ синевѣ.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мнѣ издали звонко
Отвѣтствуетъ нимфа, отвѣтствуетъ Эхо,
Какъ будто, въ поля золотого заката
Гонимая богомъ ребенкомъ
И полная смѣха . . .

Вотъ, богомъ настигнута, падаетъ Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смѣхъ ея въ длинномъ
Звучитъ повтореньи
Подъ небомъ невиннымъ . . .
И страсти и смерти,
И смерти, и страсти —
Вѣнчальныя вѣтви
Осеннихъ убранствъ и запястій . . .

Тамъ — въ синемъ раздольи — мой голосъ
пророчитъ
Возвратить, опрокинуть весь міръ на меня!
Но, сверкнувъ на крылѣ пролетающей ночи,
Томной свирѣлью вечерняго дня
Ускользнувшая нимфа хохочетъ.

*

ПЛЯСКИ ОСЕННІЯ

Волновать меня снова и снова —
Въ этомъ тайная воля твоя,
Радость ждетъ сокровеннаго слова,
И ужъ ткань золотая готова,
Чтобъ душа засмѣялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
Въ небеса улетаетъ мольба,
И за кружевомъ тонкой березы
Золотая запѣла труба.

Такъ волнуютъ прозрачные звуки,
Будто милый твой голосъ звенитъ,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки въ зенитъ.

И округлыя руки трепещутъ,
Съ бѣлыхъ плечъ ниспадаютъ струи,
За тобой въ хороводахъ расплещутъ
Осенницы одежды свои.

Осѣненная рѣющей влагой,
Распустила ты пряди волосъ.
Хороводовъ твоихъ по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не пѣть, не плясать,
И не могутъ луга и овраги
Подъ стопою твоей не сгорать.

Съ нами, къ намъ — легкокрылая младость,
Намъ воздушная участь дана . . .
И откуда приходитъ къ намъ Радость,
И откуда плыветъ Тишина?

Тишина умирающихъ злаковъ —
Это свѣтлая въ мірѣ пора:
Сонъ, завѣтныхъ исполненный знаковъ,
Что сегодня пройдетъ, какъ вчера.

Что полеты временъ и желаній —
Только всплески дѣвическихъ рукъ —
На землѣ, на зеленой полянѣ,
Неразлучный и радостный кругъ.

И безбурное солнце не будетъ
Нарушать и гнѣвить Тишину.
И лѣсная трава не забудетъ,
Никогда не забудетъ весну.

И снѣжинки по склонамъ оврага
Заметутъ, заровняютъ края,
Тамъ, гдѣ имъ заповѣдала влага,
Тамъ, гдѣ пляска, гдѣ воля твоя.

*

НОЧНАЯ ФІАЛКА

Сонъ

НОЧНАЯ ФІАЛКА

Миновали случайные дни
И равнодушныя ночи,
И, однако, памятно мнѣ
То, что хочу разсказать вамъ,
То, что случилось во снѣ.

Городъ вечерній остался за мною.
Дождь начиналъ моросить.
Далеко, у самаго края,
Тамъ, гдѣ небо, уставъ прикрывать
Поступки и мысли согражданъ моихъ,
Упало въ болото, —
Тамъ краснѣла полоска зари.

Городъ покинувъ,
Я медленно шелъ по уклону
Мало застроенной улицы,
И, кажется, другъ мой со мной.
Но, если и шелъ онъ,
То молчалъ всю дорогу.
Я ли просилъ помолчать,
Или самъ онъ былъ грустно настроенъ,
Только, другъ другу чужіе,
Разное видѣли мы:
Онъ видѣлъ извощичьи дрожки,
Гдѣ молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенныхъ женщинъ.

Также не были чужды ему
Дѣвицы, смотрѣвшія въ окна
Сквозь желтые бархатцы . . .
Но все посѣрѣло, померкло,
И зрѣнье у спутника — также,
И, вѣрно, другія желанья
Его одолѣли,
Когда онъ исчезъ за угломъ,
Нахлобучивъ картузъ,
И оставилъ меня одного
(Чѣмъ я былъ несказанно доволенъ,
Ибо что же пріятнѣй на свѣтѣ,
Чѣмъ утрата лучшихъ друзей?)

Прохожихъ стало все меньше.
Только тощіе псы попадались навстрѣчу,
Только пьяныя бабы ругались вдали.
Надъ равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотомъ.

И, пока прояснялось сознанье,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнахъ различныхъ религій,
И заботы о платѣ за строчку, —
Становилось яснѣй и яснѣй,
Что когда-то я былъ здѣсь и видѣлъ
Все, что вижу во снѣ, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строеній.
На болотѣ, отъ кочки до кочки,
Надъ стоячей и ржавой водой

Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленыя сумерки
Въ сонъ, и въ дрему, и въ лѣнь,
Гдѣ внизу и вверху,
И надъ кочкою чахлой,
И надъ красной полоской зари —
Затаилъ ожиданіе воздухъ
И, какъ-будто, на стражѣ стоялъ,
Ожидая расцвѣта
Нѣжной дочери струй
Водяныхъ и воздушныхъ.

И не-даромъ все было спокойно
И торжественной встрѣчей полно:
Вѣдь никто не слыхалъ никогда
Отъ родителей смертныхъ,
Отъ наставниковъ школьныхъ,
Да и въ книгахъ никто не читалъ,
Что вблизи отъ столицы,
На болотѣ глухомъ и пустомъ,
Въ часъ фабричныхъ гудковъ и журфиксовъ,
Въ часъ забвенья о злѣ и добрѣ,
Въ часъ разгула родственныхъ чувствъ
И развратно длинныхъ бесѣдъ
О дурномъ состояньи желудка
И о новомъ совѣтѣ министровъ,
Въ часъ презрѣнья къ лучшимъ изъ насъ,
Кто, паденій своихъ не скрывая,
Безъ стыда продаетъ свое тѣло
И на пыльно-трескучихъ троттуарахъ
Съ наглой скромностью смотритъ въ глаза, —
Что въ такой оскорбительный часъ

Всѣмъ доступны видѣнья.
Что такой же бродяга, какъ я,
Или, можетъ быть, ты, кто читаешь
Эти строки, съ любовью иль злобой, —
Можетъ видѣть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цвѣтокъ,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Такъ я зналъ про себя,
Проходя по болоту,
И увидѣлъ сквозь сѣтку дождя
Небольшую избушку.
Самъ не зная, куда я забрелъ,
Пріоткрылъ я тяжелую дверь
И смущенно всталъ на порогѣ.

Въ длинной, низкой избѣ по стѣнамъ
Неуклюжія лавки стояли.
На одной передъ длиннымъ столомъ —
Молчаливо сидѣла за пряжей,
Опустивъ надъ работой проборъ,
Некрасивая дѣвушка
Съ непримѣтнымъ лицомъ.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвѣта волосы были,
И какія черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потомъ, отрываясь отъ пряжи,
Долго, долго сидѣла, не глядя,
Безъ заботъ и безъ думъ.
И еще я, навѣрное, знаю,
Что когда-то ужъ видѣлъ ее,

И была она, можетъ быть, краше
И, пожалуй, стройнѣй и моложе,
И, быть можетъ, грустили когда то,
Припадая къ подножьямъ ея,
Короли въ сѣдинахъ голубыхъ.

И запомнилось мнѣ,
Что въ избѣ этой низкой
Вѣялъ сладкій дурманъ,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизанъ былъ воздухъ
Зацвѣтаньемъ Фіалки Ночной,
Оттого, что на праздникъ вечерній
Я не въ брачной одеждѣ пришелъ.
Былъ я нищій бродяга,
Посѣтитель ночныхъ ресторановъ,
А въ избѣ собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я былъ въ ихъ кругу
И устами касался ихъ чаши
Гдѣ-то въ скалахъ, на фьордахъ,
Гдѣ ужъ нѣтъ ни морей, ни земли,
Только въ сумеркахъ снѣжныхъ
Чуть блестятъ золотые вѣнцы
Скандинавскихъ владыкъ.

Было тяжко опять приступить
Къ исполненью суроваго долга,
Къ поклоненью забытымъ вѣнцамъ,
Но они дожидались,
И, грустя, засмѣялась душа
Запоздалому ихъ ожиданью.

Обходилъ я избу,
Руки жалъ я товарищамъ прежнимъ,
Но они не узнали меня.
Наконецъ, за огромною бочкой
(Вѣрно съ пивомъ), на узкой скамьѣ
Я замѣтилъ сидящихъ
Старика и старуху.
И глаза различили вѣнцы,
Потускнѣвшіе въ воздухѣ ржавомъ,
На зеленыхъ и древнихъ кудряхъ.
Здѣсь сидѣли вѣками они,
Дожидаясь привычныхъ поклоновъ,
Чуть кивая пришельцамъ въ отвѣтъ.
Обойдя всѣхъ сидѣвшихъ на лавкахъ,
Я отвѣсилъ поклонъ королямъ;
И по старымъ глубокимъ морщинамъ
Пробѣжала усталая тѣнь;
И привычно торжественнымъ жестомъ
Короли мнѣ велѣли остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидѣлъ послѣднюю лавку
Въ самомъ темномъ углу.

Тамъ, на лавкѣ неровной и шаткой,
Неподвижно сидѣлъ человѣкъ,
Опершись на колѣни локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что онъ, не старѣя,
Не мѣняясь, и думая думу одну,
Прогрустилъ здѣсь вѣка,
Такъ что члены одеревенѣли,
И теперь, обреченный, сидитъ
За одною и тою же думой

И за тою же кружкой пивной,
Что стоитъ рядомъ съ нимъ на скамейкѣ.

И когда я къ нему подошелъ,
Онъ не поднялъ лица, не отвѣтилъ
На поклонъ, и не двинулъ рукой.
Только понялъ я, тихо вглядѣвшись
Въ глубину его тусклыхъ очей,
Что и мнѣ, какъ ему, суждено
Здѣсь сидѣть — у недопитой кружки,
Въ самомъ темномъ углу.
Суждена мнѣ такая же дума,
Такъ же руки мнѣ надо сложить,
Такъ же тусклыя очи направить
Въ дальній уголъ избы,
Гдѣ сидитъ подъ мерцающимъ свѣтомъ,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За безцѣльною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Такъ сижу я въ избѣ.
Рядомъ — кружка пивная
И печальный владѣлецъ ея.
Понемногу лицо его никнетъ,
Скоро тихо коснется колѣнъ,
Да и руки, не въ силахъ согнуться,
Только брякнутъ костями,
Упадутъ и повиснутъ.
Этотъ нищій, какъ я, — въ старину
Былъ, какъ я, благороднаго рода,
Стройнымъ юношей, храбрымъ героемъ,

Обольстителемъ сѣверныхъ дѣвъ
И пѣвцомъ скандинавскихъ сказаній.
Вотъ обрывки одежды его:
Разноцвѣтныя полосы тканей,
Шитыхъ золотомъ краснымъ
И поблекшихъ.

Дальше вижу дружину
На огромныхъ скамьяхъ:
Кто владѣетъ въ забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, къ щиту прислонясь,
Увязилъ долговязую шпору
Подъ скамьей;
Кто свой шлемъ уронилъ, — и у шлема
На истлѣвшемъ полу,
Пробивается блѣдная травка,
Обреченная жить безъ весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Возсѣдаютъ старикъ и старуха,
И на нихъ догораютъ вѣнцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленыя кудри,
Обрамляя морщинъ глубину,
И глаза подъ навѣсомъ бровей
Огоньками болотными дремлютъ.

Дальше, дальше — беззвучно прядетъ,
И прядетъ, и прядетъ королевна,
Опустивъ надъ работой проборъ.
Сладкимъ сномъ одурманила насъ,

Опоила насъ зельемъ болотнымъ,
Окружила насъ сказкой ночной,
А сама все цвѣтетъ и цвѣтетъ,
И болотами дышетъ Фіалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядетъ, и прядетъ, и прядетъ.

Цѣпенѣю, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходятъ, быть можетъ, мгновенья,
А, быть можетъ, — столѣтья.

Слышу, слышу сквозь сонъ
За стѣнами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальній прибой,
Будто голосъ изъ родины новой,
Будто чайки кричатъ,
Или стонутъ глухія сирены,
Или гонитъ играющій вѣтеръ
Корабли изъ веселой страны.
И печально Радость приходитъ,
И далекая пѣна бушуетъ,
Зацвѣтаютъ далеко огни.

Вотъ сосѣдъ мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла къ скамьѣ голова.
Вотъ разсыпался мечъ, дребезжа.
Щитъ упалъ. Изъ-подъ шлема
Побѣжала веселая мышка.
А старикъ и старуха на лавкѣ
Прислонились тихонько другъ къ другу,

И надъ старыми ихъ головами
Больше нѣтъ королевскихъ вѣнцовъ

И сижу на болотѣ.
Надъ болотомъ цвѣтетъ,
Не старѣя, не зная измѣны,
Мой лиловый цвѣтокъ,
Что зову я — Ночною Фіалкой.

За болотомъ остался мой городъ,
Тотъ же вечеръ и та же заря.
И, навѣрное, другъ мой, шатаясь,
Не однажды домой приходилъ
И ругался, меня проклиная,
И мертвецкимъ сномъ засыпалъ.

Но столѣтья прошли,
И продумалъ я думу столѣтій.
Я у самаго края земли,
Одинокій и мудрый, какъ дѣти.
Такъ же тихъ догорающій сводъ,
Тотъ же міръ меня тягостный встрѣтилъ.
Но Ночная Фіалка цвѣтетъ,
И лиловый цвѣтокъ ея свѣтелъ.
И въ зеленой ласкающей мглѣ
Слышу волнъ круговое движенье,
И большихъ кораблей приближенье,
Будто вѣсти о новой землѣ.
Такъ завѣтная прялка прядетъ
Сонъ живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придетъ
И пребудетъ она совершенной.

И Ночная Фіалка цвѣтетъ

1905—1906

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Л. Семенову

Жду я смерти близъ денницы.
Ты пришла издалека.
Здѣсь исполни долгъ царицы
Въ блѣдномъ свѣтѣ ночника.

Я готовъ. Мой саванъ плотенъ.
Смертный вѣнчикъ вкругъ чела.
На снѣгу моихъ полотенъ
Ты лампадный свѣтъ зажгла.

Опусти прозрачный пологъ
Отходящаго царя.
На вершинахъ колкихъ елокъ
Занимается заря.

Путь неровенъ. Вѣтви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски каменной улыбки
Не нарушу на земли.

*

Я восходилъ на всѣ вершины,
Смотрѣлъ въ иныя небеса,
Мой факелъ былъ и глазъ совиный,
И утра Божія роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядомъ,
Ты вѣришь брошеннымъ словамъ,
Какъ будто дважды чашу съ ядомъ
Я поднесу къ своимъ губамъ!

О, нѣтъ! Я сжегъ свои примѣты,
Испепелилъ свои слѣды!
Все, что забыто, недопѣто,
Не возвратится до Звѣзды —

До Той Звѣзды, которой близость
Познавъ, — сторицей отплачу
За все величіе и низость,
Которыхъ тяжкій грузъ влачу!

*

Ты одѣнешь меня въ серебро,
    И, когда я умру,
Выйдетъ мѣсяцъ — небесный Пьеро,
    Встанетъ красный паяцъ на юру.

Мертвый мѣсяцъ безпомощно нѣмъ,
    Никому ничего не открылъ.
Только спроситъ подругу — зачѣмъ
    Я когда-то ее полюбилъ?

Въ этотъ яростный сонъ на яву
    Опрокинусь я мертвымъ лицомъ.
И паяцъ испугаетъ сову,
    Загремѣвъ подъ горой бубенцомъ . . .

Знаю — сморщенный ликъ его старъ
    И безстыденъ въ земной наготѣ.
Но зловѣщій восходитъ угаръ —
    Къ небесамъ, къ высотѣ, къ чистотѣ.

*

Фіолетовый западъ гнететъ,
Какъ пожатье десницы свинцовой.
Мы летимъ неизмѣнно впередъ —
Исполнители воли суровой.

Насъ немного. Всѣ въ дымныхъ плащахъ.
Брыжжутъ искры и блещутъ кольчуги.
Поднимаемъ на сѣверѣ прахъ,
Оставляемъ лазурность на югѣ.

Ставимъ троны инымъ временамъ —
Кто возсядетъ на темные троны?
Каждый душу разбилъ пополамъ
И поставилъ двойные законы.

Никому не извѣстенъ конецъ.
И смятенье смѣняетъ веселье.
Намъ открылось въ гаданьи: *мертвецъ*
Впереди разсѣкаетъ ущелье.

*

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздохъ онѣмѣлой волны
Дышетъ съ моря, гдѣ сѣрый маякъ
Указалъ морякамъ быстрины,
Растрепалъ у поднебесья флагъ.

Тамъ зажегся послѣдній фонарь,
Озаряя таинственный молъ.
Тамъ корабль возвышался, какъ царь,
И вчера въ океанъ отошелъ.

Чуть сѣрѣли его паруса,
Унося торжество въ океанъ.
Я покорно смотрѣлъ въ небеса,
Гдѣ Она расточала туманъ.

Я увидѣлъ Глядящую въ твердь —
Съ неземнымъ очертаніемъ рукъ.
Издали мнѣ привидѣлась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звукъ.

Тамъ поютъ среди сѣрыхъ камней,
Въ отголоскахъ причудливыхъ пѣнъ —
Переплески далекихъ морей,
Волоса корабельныхъ сиренъ.

*

Я живу въ глубокомъ покоѣ.
Рою днемъ могилы корнямъ.
Но въ туманный вечеръ — насъ двое.
Я вдвоемъ съ Другимъ по ночамъ.

Обычайный — у входа въ сѣни,
Гдѣ мерцаютъ мои образа.
Лобъ закрытъ тѣнями растеній.
Чуть тускнѣютъ въ тѣни глаза.

Изъ угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрипъ.
Въ дальнихъ залахъ — говоръ крылатый
Тѣхъ, съ кѣмъ жилъ я, и съ кѣмъ погибъ.

Одинокъ — въ концѣ вереницы —
Я — послѣдній мускулъ земли.
Не откроетъ устъ Темнолицый,
Будто ждетъ, чтобы всѣ прошли.

Раздавивъ похоронные звуки
Равномѣрно-жуткихъ часовъ,
Онъ подниметъ тяжкія руки,
Что висятъ, какъ петли вѣковъ.

Заскрипятъ ли тяжкія латы?
Или гробъ ихъ, какъ страхъ мой, пустъ?
Иль Онъ вдунетъ звукъ хриповатый
Въ этотъ рогъ изъ смердящихъ устъ?

Или я, какъ мѣсяцъ двурогій,
Только жалкій сонъ серебрю,
Что приснился въ долгой дорогѣ
Всѣмъ безсильнымъ встрѣтить зарю?

*

Поетъ, краснѣя, мѣдь. Надъ горномъ
Стою — и карликъ служитъ мнѣ:
Согбенный карликъ въ платьѣ черномъ,
Какой являлся мнѣ во снѣ.

Сбылось немного — слишкомъ много,
И въ гробъ переплавляю мѣдь.
Я самъ открылъ себѣ дорогу,
Не въ силахъ зной преодолѣть.

Послѣднимъ шествіемъ украшенъ,
Склонюсь подъ красный балдахинъ.
И прогремятъ останки башенъ
Съ моихъ довременныхъ вершинъ.

И вольно — смуглая гадалка,
Спѣша съ потѣхи площадной,
Швырнетъ подъ сѣни катафалка
Свой воскрешающій запой.

Тогда — огроменъ блѣднымъ тѣломъ —
Я красной мѣдью зазвучу.
И предо мною люди въ бѣломъ
Поставятъ блѣдную свѣчу.

*

Зажигались окна узкихъ комнатъ.
Возникали скудные лучи,
Тамъ, гдѣ люди сиротливо берегутъ и помнятъ
Царствія Небеснаго ключи.

Въ этотъ часъ и Ты прошла къ вечернѣ,
Свой задумчивый и строгій сонъ храня.
На закатѣ поднимался занавѣсъ вечерній,
Открывалось дѣйствіе огня.

Такъ, какъ я, тонуть въ небесномъ, равнодушномъ
взглядѣ
Не умѣлъ никто, Свободная, повѣрь!
Кто-то ласковый разсыпалъ золотыя пряди,
Лучъ проникъ въ невидимую дверь.

И, вступивъ на звонкій рядъ ступеней,
Я стоялъ преображенный на горѣ —
Тамъ, гдѣ стая тускло озаренныхъ привидѣній
Простирала руки къ догарающей зарѣ.

*

Все бѣжитъ, мы пребываемъ,
Вервій ночи вьемъ концы,
Заплетаемъ, расплетаемъ
Бѣлыхъ ландышей вѣнцы.
Все кружится, круторогій
Мѣсяцъ щурится вверху.
Мы, расчисливъ всѣ дороги,
Утромъ вѣримъ пѣтуху.
Вотъ — изъ кельи Вѣчной Пряхи
Нити кажутъ солнцу путь.
Утромъ сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
— Всю ли ночь молились въ нишахъ?
Всю ли ночь текли труды?
— Нѣтъ, отецъ, на свѣтлыхъ крышахъ
Ждали Утренней Звѣзды.
Мы молчали, колдовали,
Ландышъ пѣлъ, Она цвѣла,
Мы надъ прялкой тосковали
Въ ночь, когда Звѣзда пряла.

*

Өедору Смородскому

Нѣжный! У ласковой рѣчки
Ты — голубой пастушокъ.
Бѣлыя бродятъ овечки,
Круто загнутъ посошокъ.

Ласковы желтыя мели,
Гдѣ голубѣетъ вода.
Голосу тихой свирѣли
Грустно покорны стада.

Грусть несказанныхъ намековъ
Въ долгомъ журчаньи волны.
О, береги у истоковъ
Эти мгновенные сны.

Люди придутъ и растратятъ
Золоторунную тишь.
Тяжкіе камни прикатятъ,
Нѣжный растопчатъ камышъ.

Но высоко — въ изумрудахъ
Облаки — овцы бредутъ.
Въ тихихъ и темныхъ запрудахъ
Ихъ отраженья плывутъ.

Пусть и надъ городомъ встанетъ
Стадо вечернее. Пусть
Людямъ предстанетъ въ туманѣ
Золоторунная грусть.

*

Гробъ невѣсты легкой тканью
Скрытъ отъ глазъ въ соборной мглѣ.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняетъ на землѣ.

Кто у гроба въ часъ закатный?
Мать и солнечная сѣнь.
Третій съ ними — благодатный
Несмежающійся день.

Надъ ея безсмертной дремой
Нить Свершеній потекла . . .
Это — Третій — Незнакомый
Кротко смотритъ въ купола.

*

Тяжко намъ было подъ вьюгами
Зиму холодную спать . . .
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними лѣтними росами
Выйдемъ мы въ поле гулять . . .
Будемъ звенящими косами
Сочныя травы срѣзать!

Настежь ворота тяжелыя!
Вѣтеръ душистый въ окно!
Пѣсни такія веселыя
Мы не пѣвали давно!

*

НОЧЬ

Магъ, простертъ надъ міромъ бреній,
Въ млечной лентѣ — голова.
Знаки позднихъ поколѣній —
Счастье дóльняго волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осіянная — плыветъ.
Красный шлемъ остроконечный
Бороздитъ небесный сводъ.

Въ длинномъ черномъ одѣяньи,
Въ сонмѣ черныхъ колесницъ,
Въ блѣдно-фосфорномъ сіяньи —
Ночь плыветъ путемъ царицъ.

Подъ луной мерцаютъ пряжки
До лица закрытыхъ ризъ.
Оперлась на циркуль тяжкій,
Равнодушно смотритъ внизъ.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли полъ-чела.
Тѣнью крылій — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
Въ нимбѣ краснаго огня?

*

Вотъ — въ изнурительной работѣ
Вы духу выковали мечъ.
Вы — птицы. Будьте на отлетѣ,
Готовьте духъ для новыхъ встрѣчъ.

Весеннихъ талей вздохи томны,
Звѣздясь, синѣетъ тонкій ледъ.
О, разгадай подъ маской скромной,
Какая женщина зоветъ!

Вамъ перепутья даль откроютъ,
Призывно засинѣетъ мгла.
Васъ дѣвы падшія укроютъ
Въ пріюты свѣта и тепла . . .

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, въ даль стремясь,
Чтобъ голосъ мѣди колокольной
Не опрокинулся на васъ!

*

ЕЯ ПРИБЫТІЕ

Рабочіе на рейдѣ

Окаймленъ летучей пѣной,
Днемъ и ночью дышитъ молъ.
Очарованный сиреной,
Трудъ нашъ медленный тяжелъ
Океанъ гудитъ подъ нами,
Въ портѣ блещутъ огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищутъ маяки.
И шатаютъ мраки въ морѣ
Эти тонкіе лучи,
Какъ испуганныя зори,
Проскользнувшія въ ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Всѣ мы близки, всѣ мы братья —
Тамъ, на рейдѣ, въ часъ мечты!
Далеко за полночь — въ дали
Неизвѣданной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.

Были странны очертанья
Черныхъ трубъ и тонкихъ рей,
Были темныя названья
Намъ невѣдомыхъ звѣрей.
«Птица Пѣнъ» ходила къ югу,
Возвратясь, давала знакъ:
Черезъ бурю, черезъ вьюгу
Различали красный флагъ . . .
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
Въ наши темные кули?
Не чудесная ли птица
Въ клѣткѣ плечи намъ свела?
Или черная царица
Въ ней пугливо замерла? . .
Но, какъ въ сказкѣ, люди въ морѣ:
Тяжкой ношей каждый гордъ.
И, туманнымъ пѣснямъ вторя,
Грохоталъ угрюмый портъ.

Такъ было

Жизнь была стремленьемъ.
Смерть была причиной
Несвершенныхъ въ мірѣ
Безконечныхъ благъ.

Небо закрывалось
Надъ морской равниной
Въ часъ, когда являлся
Первый свѣтлый флагъ.

Ночи укрывали
Отъ очей безсонныхъ
Все, что совершалось
За чертой морей.

Только на закатѣ
Въ зоряхъ наклоненныхъ
Мчались отраженья,
Тѣни кораблей.

Но не всѣ читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицомъ къ лунѣ —

Блѣдная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущемъ
Безнадежномъ днѣ.

Пѣсня матросовъ

Подарило намъ море
Обручальное кольцо!
Цѣловало насъ море
Въ загорѣлое лицо!
Приневѣстилась
Морская глубина!
Неневѣстная
Морская быстрина!
Съ ней жизнь вольна,
Съ ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
Съ ней погуляемъ
На вольномъ просторѣ'
Синее море!
Красныя зори!
Вѣтеръ ты, пьяный,
Трепли волоса!
Вѣтеръ соленый,
Неси голоса!
Вѣтеръ, ты, вольный,
Раздуй паруса!

Голосъ въ тучахъ

Насъ море примчало къ землѣ одичалой
Въ убогіе кровы, къ недолгому сну,
А вѣтеръ крѣпчалъ, и надъ моремъ звучало,
И было тревожно смотрѣть въ глубину.

Больнымъ и усталымъ — намъ было завидно,
Что гдѣ-то въ моряхъ веселилась гроза,
А ночь, какъ блудница, смотрѣла безстыдно
На темныя лица, въ больные глаза.

Мы съ вѣтромъ боролись и, брови нахмуря,
Во мракѣ съ трудомъ различали тропу . . .
И вотъ, какъ посолъ нарастающей бури,
Пророческій голосъ ударилъ въ толпу.

Мгновеннымъ зигзагомъ на каменной кручѣ
Торжественный профиль намъ брызнулъ въ глаза,
И въ ясномъ разрывѣ испуганной тучи
Веселую пѣсню запѣла гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
«Проснитесь, узнайте, что радость близка!
«Туда, гдѣ моря запѣваютъ о чудѣ,
«Туда направляется свѣтъ маяка!

«Онъ рыщетъ, онъ ищетъ веселыхъ открытій
«И зоркимъ лучомъ стережетъ буруны,
«И съ часу на часъ ожидаетъ прибытій
«Большихъ кораблей изъ далекой страны!

«Смотрите, какъ ширятся полосы свѣта,
«Какъ радостенъ бѣгъ закипающихъ пѣнъ!
«Какъ море ликуетъ! Вы слышите — гдѣ-то —
«За ночью, за бурей — взыванье сиренъ!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осѣнила рука . . .
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка! . .

А тамъ — горизонтъ разбудили зарницы,
Какъ будто, пылали вдали города,
И къ порту всю ночь, какъ багряныя птицы,
Летѣли, шипя и свистя, поѣзда.

Гудѣлъ океанъ, и лохмотьями пѣны
Швырялись моря на стволы маяковъ.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Тамъ буря настигла суда рыбаковъ

Корабли идутъ

О, свѣтоносные стебли морей, маяки!
    Вашъ прожекторъ — цвѣтокъ!
Ваша почва — созданье волненья,
    Песчаныя косы!

Ваши стебли, о, цвѣтъ океана, крѣпки,
И силенъ электрическій токъ!
    И лучи обѣщаютъ спасенье
Тамъ, гдѣ гибнутъ матросы!

Утро скажетъ: взгляни: утомленный работой,
    Ты найдешь въ бурунахъ
    Обезсиленный трупъ,
Не спасенный твоею заботой,

Съ остывающимъ смѣхомъ на синихъ углахъ
    Искривившихся губъ . . .
Избѣжавшій твоихъ свѣтоносныхъ лучей,
Преступившій послѣдній порогъ . . .

Невидимъ для очей,
Черезъ пологъ ночей
На челѣ начерталъ примиряющій Рокъ:
«Ничей».

Ты намъ мстишь, электрическій свѣтъ!
Ты — не свѣтъ отъ зари, — ты мечта отъ земли,
Но въ туманные дни ты пронзаешь лучомъ
Безначальный обманъ океана . . .

И надежнѣй тебя намъ товарища нѣтъ:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведемъ корабли,
Мы заморскія тайны несемъ,
Мы подъ игомъ ночного тумана . . .

Трюмы полны сокровищъ!
Отягченныя мчатся суда! . .
Пусть хранитъ отъ подводныхъ чудовищъ
Электричество — наша звѣзда!

Черезъ бурю, сквозь вьюгу — впередъ!
Электрическій свѣтъ не умретъ!

Корабли пришли

Океанъ дремалъ зеркальный,
Злыя бури отошли.
Въ часъ закатный, въ часъ хрустальный
Показались корабли.

Шли, какъ сказочныя феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготовѣ якоря.

Пѣли гимнъ багрянымъ зорямъ,
Вся горя, смѣялась даль.
Съ голубымъ прощальнымъ моремъ
Разлучаться было жаль.

А ужъ тамъ — за той косою —
Неожиданно свѣтла,
Съ затуманенной красою
Ихъ красавица ждала . . .

То — земля, о, дѣти страсти,
Дѣти бурь, — она за васъ! —
Тяжело упали снасти.
Вѣсть ракетой понеслась.

Разсвѣтъ

Тихо разсыпалась въ небѣ ракета,
Западъ погасъ, и вздохнула земля.
Стали на рейдѣ и ждали разсвѣта,
Ночь возвращенья мечтѣ удѣля.

Сумерки близятся. Въ утренней дремѣ
Что-то безмѣрно-печальное есть.
Тамъ — въ океанѣ — въ земномъ водоемѣ —
Бродитъ и плещетъ пугливая вѣсть . . .

Бѣлый, какъ бѣлая птица, далеко
Мѣритъ и выси и глуби — и вдругъ
Съ первой стрѣлой, прилетѣвшей съ востока,
Сонный въ моряхъ пробуждается звукъ.

Смерть, или жизнь тяготѣетъ надъ моремъ —
Вѣсть о побѣдѣ — въ полетѣ стрѣлы.
Смертные мы и о солнцѣ не споримъ,
Знаемъ, что время готовитъ хвалы.

Кто не проснулся при первомъ сіяньи —
Сумрачно помнитъ, что гимнъ отзвучалъ,
Чуетъ сквозь сонъ, что утратилъ познанье
Раннихъ и свѣтлыхъ и мудрыхъ началъ . . .

Но съ кораблей, испытавшихъ ненастье,
Вѣсть о разсвѣтѣ достигла земли;
Буйныя толпы, въ предчувствіи счастья,
Вышли на берегъ встрѣчать корабли.

Кто-то гирлянду цвѣточную бросилъ,
Лодки помчались отъ пестрой земли,
Сильные юноши сѣли у веселъ,
Скромныя дѣвушки взяли рули.

Плыли и пѣли, и море пьянѣло . . .
. . . .

*

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Онѣ улетѣли.
Отцвѣли завитки гіацинта.
Мы провидѣли свѣтлыя цѣли
Въ отдаленныхъ краяхъ лабиринта.

Намъ казалось: мы кратко блуждали.
Нѣтъ, мы прожили долгія жизни . . .
Возвратились — и насъ не узнали,
И не встрѣтили въ милой отчизнѣ.

И никто не спросилъ о Планетѣ,
Гдѣ мы близились къ юности вѣчной . . .
Пусть погибнутъ безумныя дѣти
За стезей ослѣпительно млечной!

Но въ безцѣльномъ, быть можетъ, круженьи —
Были мы, какъ избранники, нищи.
И теперь возвратились въ сомнѣньи
Въ дорогое, родное жилище . . .

Такъ. Не жди измѣненій безцѣльныхъ.
Не смущайся забвеньемъ. Не числи.
Пусть къ тебѣ — о краяхъ запредѣльныхъ
Не придутъ и спокойныя мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущемъ сердце не плачетъ.
Тихо вѣдаю: будетъ награда:
Ослѣпительный Всадникъ прискачетъ.

*

Всѣ отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса́.
Надъ одинокимъ вѣютъ весны
И торжествуютъ небеса.

Я не забылъ на пирѣ хмельномъ
Мою завѣтную свирѣль.
Пошлю мечту о запредѣльномъ
Въ Его Святую колыбель . . .

Надъ ней синѣетъ вѣчный пологъ,
И слишкомъ тонки кружева.
Мечты пронзительный осколокъ
Свободно приметъ синева.

Не о спасеньи, не о Словѣ . . .
И мнѣ ли — падшему въ пыли?
Но дымъ всходящихъ славословій
Вернется въ садъ моей земли.

У полотна Финл. ж. д.

*

Шли на приступъ. Прямо въ грудь
Штыкъ наточенный направленъ.
Кто то крикнулъ: — «Будь прославленъ!»
Кто то шепчетъ: — «Не забудь!»

Рядомъ палъ, всплеснувъ руками,
И надъ нимъ сомкнулась рать.
Кто то бьется подъ ногами,
Кто — не время вспоминать . . .

Только въ памяти веселой
Гдѣ то вспыхнула свѣча.
И прошли, стопой тяжелой
Тѣло теплое топча . . .

Вѣдь никто не встрѣтитъ старость —
Смерть летитъ изъ устъ въ уста . . .
Высоко пылаетъ ярость,
Даль кровавая пуста . . .

Что же! громче будетъ скрежетъ,
Слаще боль и ярче смерть!
И потомъ — земля разнѣжитъ
Перепуганную твердь.

*

Вотъ на тучахъ пожелтѣлыхъ
Отблескъ матовой свѣчи.
Пробѣжали въ космахъ бѣлыхъ
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, безшумно рѣя,
Птицы траурной фата.
Въ глуби меркнущей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались въ тучахъ пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлѣваетъ безъ огня.

Кто тамъ встанетъ съ мертвымъ глазомъ
И серебрянымъ мечомъ?
Невидимкамъ черномазымъ
Кто тамъ будетъ трубачемъ?

*

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горѣ,
И надъ башней дымились прозрачные сны облаковъ.
Темный рыцарь въ тяжелой кольчугѣ шепталъ о любви на зарѣ,
Въ тѣ часы, когда Рейнъ выступалъ изъ своихъ береговъ.

Надъ зелеными рвами текла, розовѣя, весна.
Непомѣрность ждала въ синевахъ отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти отъ окна,
Не смотрѣть въ роковыя черты, оторваться отъ свѣтлой мечты.

— Подними эту розу, шепнула — и вѣтеръ донесъ
Тишину улетающихъ латъ, бездыханный отвѣтъ.
— Въ синемъ утреннемъ небѣ найдешь Купину расцвѣтающихъ розъ,
Онъ шепнулъ, и сверкнулъ, и взлетѣлъ, и она полетѣла во слѣдъ.

И за облакомъ плыло и пѣло мерцаніе тьмы,
И влюбленность въ погонѣ забыла, забыла свой щитъ.

И она, окрылясь, полетѣла изъ отчей тюрьмы —
На воздушномъ пути королевна полетъ свой
стремитъ.
Ужъ въ стремнинахъ туманъ, и рога созываютъ
стада,
И завѣтная мгла протянула плащи и скрестила
мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражаетъ вода,
И надъ лѣсомъ погасли лучи.

Не смолкаетъ вдали властелиновъ борьба,
Распри дѣдовъ надъ ширью земель.
Но различна Судьба: здѣсь — мечтанье раба,
Тамъ — воздушной Влюбленности хмель.

И въ воздушный покровъ улетѣла на зовъ
Навсегда . . . О, Влюбленность! Ты строже
Судьбы!
Повелительнѣй древнихъ законовъ отцовъ!
Слаще звука военной трубы!

*

Она веселой невѣстой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тутъ.
Но церковь упала въ зацвѣтшій прудъ

Надъ зыбью самыхъ глубокихъ мѣстъ
Плыветъ одинъ неподвижный крестъ.

Миновали сотни и сотни лѣтъ,
А въ старомъ домѣ юности нѣтъ.

И въ домѣ, уставшемъ юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдѣваетъ нити въ иглу.
Тѣни нитей дрожатъ на свѣтломъ полу.

Тихо, какъ будетъ. Свѣтло, какъ было.
И счетъ годинъ старуха забыла.

Какъ міръ, стара, какъ лунь, сѣда.
Никогда не умретъ, никогда, никогда . . .

А вдоль комодовъ, вдоль старыхъ креселъ
Мушиный танецъ все также веселъ,

И красныя нити лежатъ на полу,
И мышь щекочетъ обои въ углу.

Въ зеркальной глуби — еще покой
Съ такой же старухой, какъ лунь сѣдой,

И тѣ же нити, и тѣ же мыши,
И тотъ же образъ смотритъ изъ ниши —

Въ окладѣ темномъ — темнѣй пруда,
Со взоромъ скромнымъ — всегда, всегда . . .

Давно потухшій взглядъ безучастный,
Клубокъ изъ нитей веселый, красный . . .

И глубже, и глубже покоевъ рядъ,
И въ окна смотритъ все тотъ же садъ.

Зеленый, какъ міръ; высокій, какъ ночь;
Нѣжный, какъ отошедшая дочь . . .

— Вернись, вернись. Нить не хочетъ тлѣть.
— Дай мнѣ спокойно умереть.

*

Г. Чулкову

Не строй жилищъ у рѣчныхъ излучинъ,
Гдѣ шумной жизни замѣтенъ ростъ.
Повѣрь, конецъ всегда однозвученъ,
Никому не понятенъ и торжественно простъ.

Твоя участь тиха, какъ разсказъ вечерній,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себѣ, молча, къ какой хочешь вечернѣ,
Гдѣ душа твоя проситъ, тамъ молись.

Кто придетъ къ тебѣ, будь онъ, какъ Ангелъ,
свѣтелъ,
Ты прими его просто, будто видѣлъ во снѣ,
И молчи безъ конца, чтобъ никто не замѣтилъ,
Кто сидѣлъ на скамьѣ, промелькнулъ въ окнѣ.

И никто не узнаетъ, о чемъ молчанье,
И о чемъ спокойныхъ думъ простота.
Да. Она придетъ. Забѣлѣетъ сіянье.
Безъ вины прижметъ къ устамъ уста.

*

Потѣха! Рокочетъ труба,
Кривляются бѣлыя рожи,
И видитъ на флагѣ прохожій
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглѣе іюльскаго дня,
Бормочетъ, монетой звеня,
Слова слаще звуковъ Моцарта.

Кругомъ — возрастающій крикъ,
Свистки и нечистыя рѣчи,
И ярмарки гулу — далече
Въ поляхъ отвѣчаетъ зеленый двойникъ.

Въ палаткѣ все шепчетъ и шепчетъ,
И скоро сливаются звуки,
И быстрыя смуглыя руки
Впиваются крѣпче и крѣпче . . .

Гаданье! Мгновенье! Мечта! . .
И, быстро поднявшись, презрительнымъ жестомъ
Встряхнула одеждой надъ проклятымъ мѣстомъ,
Гадаетъ . . . и шепчутъ уста.

И вновь завываетъ труба,
И въ памяти пыльной взвиваются рѣчи,
И руки . . . и плечи . . .
И быстрая надпись: «Судьба!»

*

БАЛАГАНЧИКЪ

Вотъ открытъ балаганчикъ
Для веселыхъ и славныхъ дѣтей,
Смотрятъ дѣвочка и мальчикъ
На дамъ, королей и чертей.
И звучитъ эта адская музыка,
Завываетъ унылый смычекъ.
Страшный чортъ ухватилъ карапузика,
И стекаетъ клюквенный сокъ.

Мальчикъ

Онъ спасается отъ чернаго гнѣва
Мановеніемъ бѣлой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слѣва . . .
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, вѣрно, сама королева . . .

Дѣвочка

Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ ты дразнишь меня?
Это — адская свита . . .
Королева — та ходитъ средь бѣлаго дня,
Вся гирляндами розъ перевита,
И шлейфъ ея носитъ, мечами звеня,
Вздыхающихъ рыцарей свита.

Вдругъ паяцъ перегнулся за рампу
И кричитъ: «Помогите!
«Истекаю я клюквеннымъ сокомъ!
«Забинтованъ тряпицей!
«На головѣ моей — картонный шлемъ!
«А въ рукѣ — деревянный мечъ!»

Заплакали дѣвочка и мальчикъ,
И закрылся веселый балаганчикъ.

*

ПОЭТЪ

Сидятъ у окошка съ папой.
Надъ берегомъ вьются галки.

Дождикъ, дождикъ! Скорѣй закапай!
У меня есть зонтикъ на палкѣ!

Тамъ — весна. А ты — зимняя плѣнница,
Бѣдная дѣвочка въ розовомъ капорѣ . . .
Видишь, море за окнами пѣнится?
Полетимъ съ тобой, дочка, за море.

А за моремъ есть мама?

Нѣтъ.

А гдѣ мама?

Умерла.

Что это значитъ?

Это значитъ: вонъ идетъ глупый поэтъ:
Онъ вѣчно о чемъ-то плачетъ.

О чемъ?

О розовомъ капорѣ.

Такъ у него нѣтъ мамы?

Есть. Только ему ни почемъ:
Ему хочется за море,
Гдѣ живетъ Прекрасная Дама.

А эта Дама — добрая?

Да.

Такъ зачѣмъ же она не приходитъ?

Она не придетъ никогда:
Она не ѣздитъ на пароходѣ.

Подошла ночка,
Кончился разговоръ папы съ дочкой.

*

У МОРЯ

Стоитъ полукругъ зари.
Скоро солнце совсѣмъ уйдетъ.
Смотри, папа, смотри,
Какой къ намъ корабль плыветъ!

Ахъ, дочка, лучше бы намъ
Уйти отъ берега прочь . . .
Смотри: онъ несетъ по волнамъ
Намъ свѣтлымъ — темную ночь . . .

Нѣтъ, папа, взгляни разокъ,
Какой на немъ пестрый флагъ!
Ахъ, какъ его голосъ высокъ!
Ахъ, какъ освѣщенъ маякъ!

Дочка, то сирена поетъ.
Берегись, пойдемъ-ка домой . . .
Смотри, ужъ туманъ ползетъ:
Корабль сталъ совсѣмъ голубой .

Но дочка плачетъ навзрыдъ,
Глубь морская ее манитъ,
И хочетъ пуститься вплавь,
Чтобы сонъ обратился въявь.

*

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будетъ все тише.
Флагъ безполезный опущенъ.
Только флюгарка на крышѣ
Сладко поетъ о грядущемъ.

Вѣтромъ въ полнебѣ раскинутъ,
Дымомъ и солнцемъ взволнованъ,
Бѣдный пѣтухъ очарованъ,
Въ синюю глубь опрокинутъ.

Въ кругѣ окна слухового
Ликъ мой, какъ нимбомъ, украшенъ.
Профиль лица воскового
Правиленъ, простъ и нестрашенъ.

Смолы пахучія жарки,
Дали извѣчно туманны . . .
Сладки мнѣ пѣсни флюгарки:
Пой, пѣтушокъ оловянный!

*

Старость мертвая бродитъ вокругъ,
Въ зеленяхъ утонула дорожка.
Я пилю наверху полукругъ —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступаютъ въ сосновыя жилки.
Прорываются визги пилы,
И летятъ золотые опилки.

Вотъ послѣдній свистящій расколъ —
И дощечка летитъ въ неизвѣстность . . .
Въ остромъ запахѣ тающихъ смолъ
Подо мной распахнулась окрестность . . .

Все закатное небо — въ дремѣ,
Удлиняются дольнія тѣни,
И на розовой гаснетъ кормѣ
Уплывающій кормщикъ весенній . . .

Вотъ, мы съ нимъ уплываемъ во тьму,
И корабль исчезаетъ летучій . . .
Вотъ и кормщикъ — звѣздою падучей —
До свиданья! . . летитъ за корму . . .

*

Въ туманахъ, надъ сверканьемъ росъ,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я въ старомъ паркѣ дѣдовъ росъ,
И солнце золотило кудри.

Не погасалъ лѣсной пожаръ,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрѣлой бросался я въ угаръ,
Цѣлуя воздухъ незнакомый.

И проходили сонмы лицъ,
Всегда чужихъ и вѣчно взрослыхъ,
Но я любилъ взлетанье птицъ.
И лодку, и на лодкѣ весла.

Я уплывалъ одинъ въ затонъ
Бездонной заводи и мутной,
Гдѣ утлый островъ окруженъ
Стѣною ельника уютной.

И тамъ въ развѣсистую ель
Я доску клалъ и съ нею рѣялъ,
И таяла моя качель,
И сонный вѣтеръ тихо вѣялъ.

И было, какъ на Рождествѣ,
Когда игра давалась даромъ,
А жизнь всходила синимъ паромъ
Къ сусально-звѣздной синевѣ.

*

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или — каменнымъ путемъ влекомый
Нищій распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званый,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю . . .
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю . . .

Много насъ — свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя . . .
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

Рогачевское шоссе

*

Не мани меня ты, воля,
Не зови въ поля!
Пировать намъ вмѣстѣ что ли,
Матушка-земля?
Кудри вѣтромъ растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Бѣлая рука . . .
Я крестомъ касался персти,
Цѣловалъ твой прахъ,
Намъ не жить съ тобою вмѣстѣ
Въ радостныхъ поляхъ!
Лишь на мигъ въ воздушномъ мірѣ
Оглянусь, взгляну,
Какъ земля въ зеленомъ пирѣ
Празднуетъ весну, —
И пойду путемъ-дорогой,
Тягостнымъ путемъ —
Жить съ моей душой убогой
Нищимъ бѣднякомъ.

*

Оставь меня въ моей дали.
Я неизмѣненъ. Я невиненъ.
Но темный берегъ такъ пустыненъ,
А въ морѣ ходятъ корабли.

Порою близокъ парусъ встрѣчный,
И зажигается мечта;
И вотъ, надъ ширью безконечной
Душа чудеснымъ занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я все тотъ же — у руля,
И я пою, все такъ же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парусъ воли бурной
Чужой, а не твоей судьбѣ:
Еще не разъ въ тиши лазурной
Я буду плакать о тебѣ.

*

Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ,
О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
О всѣхъ забывшихъ радость свою.

Такъ пѣлъ ея голосъ, летящій въ куполъ,
И лучъ сіялъ на бѣломъ плечѣ,
И каждый изъ мрака смотрѣлъ и слушалъ,
Какъ бѣлое платье пѣло въ лучѣ.

И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
Что въ тихой заводи всѣ корабли,
Что на чужбинѣ усталые люди
Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.

И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
И только высоко, у Царскихъ Вратъ,
Причастный Тайнамъ, — плакалъ ребенокъ
О томъ, что никто не придетъ назадъ.

*

Въ лапахъ косматыхъ и страшныхъ
Колдунъ укачалъ весну.
Вспомнили дѣти о снахъ вчерашнихъ,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула въ глаза.
На закатѣ полоской алой
Покатилась къ землѣ слеза.

— Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидимъ во снѣ.
Всю вчерашнюю ночь она пѣла съ мачты,
А корабль уплывалъ къ веснѣ.

Онъ плылъ и качался, плылъ и качался,
А бѣдный матросикъ смотрѣлъ на югъ:
Онъ друга оставилъ и въ слезахъ надрывался,
Вѣрно, есть у тебя печальный другъ?

— Милая дѣвочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во снѣ.
Ты къ вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мнѣ . . .

*

Тамъ, въ ночной завывающей стужѣ,
Въ полѣ звѣздъ отыскалъ я кольцо.
Вотъ лицо возникаетъ изъ кружевъ,
Возникаетъ изъ кружевъ лицо.

Вотъ плывутъ ея вьюжныя трели,
Звѣзды свѣтлыя шлейфомъ влача,
И взлетающій бубенъ метели,
Бубенцами призывно бренча.

Съ легкимъ трескомъ разсыпался вѣеръ, —
Ахъ, что значитъ — не пить и не ѣсть!
Но въ глазахъ, обращенныхъ на сѣверъ.
Мнѣ холодному — жгучая вѣсть . . .

И надъ мигомъ свивая покровы,
Вся окутана звѣздами вьюгъ,
Уплываешь ты въ сумракъ снѣговый,
Мой отъ вѣка загаданный другъ.

*

Утихаетъ свѣтлый вѣтеръ,
Наступаетъ сѣрый вечеръ,
Воронъ канулъ на сосну,
Тронулъ сонную струну.

Въ сторонѣ чужой и темной
Какъ ты вспомнишь обо мнѣ?
О моей любови скромной
Закручинишься ль во снѣ?

Пусть душа твоя мгновенна —
Надъ тобою неизмѣнна
Гордость юная твоя,
Вѣрность женская моя.

Не гони летящій мимо
Призракъ легкій и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастливъ съ дѣвушкой другой . . .

Ну, такъ съ Богомъ! Вечеръ близокъ,
Быстрый летъ касатокъ низокъ,
  Надвигается гроза,
  Ночь глядитъ въ твои глаза.

*

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
И въ окнѣ твоемъ — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучитъ, всегда . . .
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна.
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синяго окна.

И потомъ, едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла.
И, какъ время, безразсвѣтная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо въ дальней спаленкѣ —
Синій сумракъ и покой,
Оттого что карликъ маленькій
Держитъ маятникъ рукой.

*

Евгенію Иваноеу

Вотъ Онъ — Христосъ — въ цѣпяхъ и розахъ —
За рѣшеткой моей тюрьмы.
Вотъ Агнецъ Кроткій въ бѣлыхъ ризахъ
Пришелъ и смотритъ въ окно тюрьмы.

Въ простомъ окладѣ синяго неба
Его икона смотритъ въ окно.
Убогій художникъ создалъ небо.
Но Ликъ и синее небо — одно.

Единый, Свѣтлый, немного грустный —
За Нимъ восходитъ хлѣбный злакъ,
На пригоркѣ лежитъ огородъ капустный,
И березки и елки бѣгутъ въ оврагъ.

И все такъ близко и такъ далеко,
Что, стоя рядомъ, достичь нельзя,
И не постигнешь синяго Ока,
Пока не станешь самъ, какъ стезя . . .

Пока такой же нищій не будешь,
Не ляжешь, истоптанъ, въ глухой оврагъ,
Обо всемъ не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, какъ мертвый злакъ.

*

Такъ. Неизмѣнно все, какъ было.
Я въ старомъ ласковомъ бреду.
Ты для меня остановила
Временъ живую череду.

И я пришелъ, плющемъ вѣнчанный,
Какъ въ юности, — къ истокамъ рѣкъ.
И надъ водой, за мглой туманной, —
Мнѣ улыбнулся тотъ же брегъ.

И тѣ же явственные звуки
Меня зовутъ изъ камыша.
И тѣ же матовыя руки
Провидитъ вѣщая душа.

Какъ будто, время позабыло
И ничего не унесло,
И неизмѣннымъ сохранило
Пѣвучей юности русло.

И такъ же вѣченъ я и миренъ,
Какъ былъ давно, въ годину сна.
И тяжкимъ золотомъ кумиренъ
Моя душа убѣлена.

*

Прискакала дикой степью
На вспѣненномъ скакунѣ.
— Долго ль будешь лязгать цѣпью?
— Выходи плясать ко мнѣ!

Рукавомъ въ окно мнѣ машетъ,
Краснымъ крикомъ зажжена,
Такъ и манитъ, такъ и пляшетъ.
И ласкаетъ скакуна.

— А, не хочешь! Ну, такъ съ Богомъ!
Пыль клубами завилась . . .
По тропамъ и по дорогамъ
Въ чистомъ полѣ понеслась . . .

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свистъ костра!

И въ степяхъ, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой!

*

БРЕДЪ

Я знаю, ты близкая мнѣ . . .
Больному такъ нуженъ покой . . .
Прильнувши къ сѣдой старинѣ,
Торжественно брежу во снѣ . . .

Съ тобою, мой свѣтъ, говорю . . .
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мнѣ обѣщаешь зарю?
Нѣтъ, съ этой свѣчей догорю!

Такъ слушай, какъ память остра, —
Недаромъ я въ смертномъ бреду . . .
Вчера еще были, вчера
Завѣтные лѣсъ и гора . . .

Я Бѣлую Дѣву искалъ —
Ты слышишь? Ты вѣришь? Ты спишь?
Я Древнюю Дѣву искалъ,
И рогъ мой раскатомъ звучалъ.

Вотъ иней мнѣ кудри покрылъ
Дыханье спирала зима . . .
И вѣтеръ мнѣ очи слѣпилъ,
И рогъ мой невѣрно трубилъ . . .

*

Но слушай, какъ слушалъ тогда
Я голосъ пронзительныхъ вьюгъ!
Что было со мной въ тѣ года, —
Тому не бывать никогда! . . .

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завѣтъ! . . .
Въ послѣдній тебѣ разскажу:
Я Бѣлую Дѣву бужу!

Вотъ спитъ Она въ облакѣ мглы
На темной вершинѣ скалы,
И звонко взываютъ орлы,
Свои расточая хвалы . . .

Какъ страненъ мой траурный бредъ!
То — бредъ обнищалой души . . .
Ты, свѣтъ мой, — единственный свѣтъ.
Другой — въ этомъ трауре нѣтъ.

Уютны мнѣ черные сны.
Въ нихъ память свѣжѣетъ моя:
Въ видѣньяхъ сѣдой старины,
Бывалой, знакомой страны . . .

Мы были, — но мы отошли,
И помню я звукъ похоронъ:
Какъ гробъ мой тяжелый несли,
Какъ сыпались комья земли.

*

СКАЗКА О ПѢТУХѢ И СТАРУШКѢ

Пѣтуха упустила старушка,
Золотого, какъ день, пѣтуха!
Не сама отворилась клѣтушка,
Долго ль въ зимнюю ночь до грѣха!

И на бѣломъ узорномъ крылечкѣ
Промелькнулъ золотой гребешокъ . . .
А старуха спускается съ печки,
Все не можетъ найти посошокъ . . .

Вотъ — ударило свѣтомъ въ оконце,
Загорѣлся старушечій глазъ . . .
На дворѣ — словно яркое солнце,
Деревенька стоитъ напоказъ.

Эхъ, какая бѣда приключилась,
Впопыхахъ не нащупать клюки . . .
Ишь, проклятая, гдѣ завалилась! . . .
А у страха глаза велики:

Вонъ стоитъ онъ въ углу, озаренный,
Изъ-подъ шапки таращитъ глаза . . .
А на улицѣ снѣжной и сонной
Суматоха, возня, голоса . . .

Прибѣжали къ старухину дому,
Захватили ведро, кто не глупъ . . .
А ужъ въ кучкѣ золы — незнакомый
Робко съежился маленькій трупъ . . .

Долго, бабушка, вѣрно искала,
Не сыскала ты свой посошокъ . . .
Пѣтушка своего потеряла,
Анъ, нашелъ тебя самъ пѣтушокъ!

Зимній вѣтеръ гуляетъ и свищетъ,
Все играетъ съ торчащей трубой . . .
Мертвый глазъ будто все еще ищетъ,
Гдѣ пропалъ пѣтушокъ . . . золотой.

А надъ кучкой золы разметенной,
Гдѣ гулялъ и клевалъ пѣтушокъ,
То погаснетъ, то вспыхнетъ червонный
Золотой, удалой гребешокъ.

*

Милый братъ! Завечерѣло.
Чуть слышны колокола.
Надъ равниной побѣлѣло —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незамѣтная, близка.
И опять намъ, какъ бывало,
Ноша тяжкая легка.

Межъ двумя стѣнами бора
Рѣдкій падаетъ снѣжокъ.
Передъ нами — семафора
Зеленѣетъ огонекъ.

Небо въ заревѣ лиловомъ,
Свѣтъ лиловый на снѣгахъ,
Словно мы — въ пространствѣ новомъ,
Словно — въ новыхъ временахъ.

Одиноко вскрикнетъ птица,
Отряхнувъ крылами ель,
И засыплетъ намъ рѣсницы
Бѣлоснѣжная метель . . .

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна . . .
Скоро Финскаго залива
Намъ откроется страна.

Ты поймешь, какъ въ этомъ морѣ
Облегчается душа,
И какія гаснутъ зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжемъ
Передъ печкой на коврѣ
И тихонько перескажемъ
Все, что видѣли, сестрѣ . . .

Кончимъ. Тихо встанетъ съ креселъ,
Молчалива и строга.
Скажетъ каждому: — Будь веселъ.
— За окномъ лежатъ снѣга.

*

Ты придешь и обнимешь.
И въ спокойной мглѣ
Мнѣ лицо опрокинешь
Встрѣчу новой землѣ.

Въ новомъ небѣ забудемъ,
Что прошло, — навсегда.
Тихо молвятъ люди:
— Вотъ еще звѣзда.

И, мерцая, задремлемъ
На туманный вѣкъ,
Посылая землямъ
Среброзвѣздный снѣгъ.

На груди изъ рая —
Твой небесный цвѣтъ.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свѣтъ.

*

Мы подошли — и воды синія,
Какъ двѣ расплеснутыхъ стѣны.
И вотъ — вдали бѣлѣетъ скинія,
И дали мутныя видны.

Но ужъ надъ горными провалами
На дымно блещущій утесъ
Ты не взбѣжишь, звеня кимвалами,
Въ вѣнкѣ изъ дикихъ красныхъ розъ.

Такъ — и чудеснымъ очарованы —
Не избѣжимъ своей судьбы,
И, въ цѣпи новыя закованы,
Бредемъ, печальные рабы.

*

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да дѣвочки
Свѣчечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожіе крестятся,
И пахнетъ весной.

Вѣтерокъ удаленькій,
Дождикъ, дождикъ маленькій,
Не задуй огня!

Въ Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

*

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдемъ въ садъ съ тобою, скромной,
И будемъ странствовать одни.
Ты будешь за травою темной
Искать купальскіе огни.

Я буду ждать съ глубокой вѣрой
Чудесъ, желаемыхъ тобой:
Пусть вспыхнетъ папоротникъ сѣрый
Подъ встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнетъ зеленымъ свѣтомъ, —
Вѣдь съ нею вмѣстѣ вспыхнешь ты,
Упоена въ волшебствѣ этомъ
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любуясь втайнѣ,
Ночныхъ желаній не будя.
Твоихъ дѣвичьихъ очертаній —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но, если ночь, встряхнувъ вѣтвями,
Захочетъ въ небѣ изнемочь,
Я загляну въ тебя глазами
Туманными, какъ эта ночь.

И будетъ мигъ, когда ты снидешь
Еще въ иныя небеса.
И въ новыхъ небесахъ увидишь
Лишь двѣ звѣзды — мои глаза.

Мигъ! Въ этомъ небѣ глазъ упорныхъ
Ты вся отражена — смотри!
И подъ навѣсъ вѣтвей узорныхъ
Проникло таинство зари.

*

СОЛЬВЕЙГЪ

Сергѣю Городецкому

Сольвейгъ прибѣгаетъ на лыжахъ.
Ибсенъ. Перъ Гюнтъ

Сольвейгъ! Ты прибѣжала на лыжахъ ко мнѣ,
Улыбнулась пришедшей веснѣ!

Жилъ я въ бѣдной и темной избушкѣ моей
Много дней, межъ камней, безъ огней.

Но веселый, зеленый твой глазъ мнѣ блеснулъ —
Я топоръ широко размахнулъ!

Я смѣюсь и крушу вѣковую сосну,
Я встрѣчаю невѣсту — весну!

Пусть надъ новой избой
Будетъ сводъ голубой —
Полно соснамъ скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть не даромъ я гордымъ слыву!

Жилъ въ лѣсу, какъ во снѣ,
Пѣлъ молитвы соснѣ,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и свѣтло,
Зимній сонъ разнесло,
И весна загудѣла въ лѣсу!

Слышишь звонкій топоръ? Видишь радостный
взоръ,
На тебя устремленный въ упоръ?

Слышишь пѣсню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейгъ мою!

Подъ моимъ топоромъ, распѣвая хвалы,
Раскачнулись въ лазури стволы!

Голосъ твой — онъ звончѣй пѣсенъ старой сосны!
Сольвейгъ! Пѣсня зеленой весны!

*

Г. Гюнтеру

Ты былъ осыпанъ звѣзднымъ цвѣтомъ
Ея торжественной весны,
И были пышно надъ поэтомъ
Восторгъ и горе сплетены.

Открылось небо надъ тобою,
Ты слушалъ пламенный хоралъ,
День бѣлый съ ночью голубою
Зарею алой сочеталъ.

Но въ мирной безраздумной сини
Очарованье доцвѣло,
И вотъ — осталась нѣжность линій
И въ нимбѣ пепельномъ чело.

Склонясь на цвѣтъ полуувядшій,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангелъ падшій,
Въ двойныя, нѣжныя черты.

И можетъ быть, въ бреду ползучемъ,
Межу не въ силахъ обойти,
Ты увѣнчаешься колючимъ
Вѣнцомъ запретнаго пути.

Такъ, — не забудь въ вѣнцѣ изъ терній,
Кому молился въ первый разъ,
Когда обманетъ свѣтъ вечерній
Расширенныхъ и свѣтлыхъ глазъ.

*

Я зналъ ее еще тогда,
Въ тѣ баснословные года.
Тютчевъ

Прошли года, но ты — все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И въ нихъ сверкаетъ сѣдина.

А я — склоненъ надъ грудой книжной,
Высокій, сгорбленный старикъ, —
Съ одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный ликъ.

Да. Насъ года не измѣнили.
Живемъ и дышимъ, какъ тогда,
И, вспоминая, сохранили
Тѣ *баснословные года* . . .

Ихъ свѣтлый пепелъ — въ длинной урнѣ.
Нашъ свѣтлый духъ — въ лазурной мглѣ.
И все чудеснѣй, все лазурнѣй —
Дышать прошедшимъ на землѣ.

*

АНГЕЛЪ — ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангелъ Хранитель, во мглѣ.
Во мглѣ, что со мною всегда на землѣ.

За то, что ты свѣтлой невѣстой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала насъ тайна и ночь,
Что ты мнѣ сестра, и невѣста, и дочь.

За то, что намъ долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — мужъ и жена!

За цѣпи мои и заклятья твои.
За то, что надъ нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищихъ и бѣдныхъ скорблю.

За то, что не можемъ согласно мы жить.
За то, что хочу и не смѣю убить —

Отмстить малодушнымъ, кто жилъ безъ огня,
Кто такъ унижалъ мой народъ и меня!

Кто заперъ свободныхъ и сильныхъ въ тюрьму,
Кто долго не вѣрилъ огню моему.

Кто хочетъ за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня . . .

За то, что я слабъ и смириться готовъ,
Что предки мои — поколѣнье рабовъ,

И нѣжности ядомъ убита душа,
И эта рука не подниметъ ножа . . .

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнемъ сожжено и свинцомъ залито —
Того разорвать не посмѣетъ никто!

Съ тобою смотрѣлъ я на эту зарю —
Съ тобой въ эту черную бездну смотрю.

И двойственно намъ приказанье судьбы:
Мы вольныя души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличетъ? Кто плачетъ? Куда мы идемъ?
Вдвоемъ — неразрывно — навѣки вдвоемъ!

Воскреснемъ? Погибнемъ? Умремъ?

17 августа 1906 года

*

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и боговъ,
И въ каждомъ — метанье огня,
И въ каждомъ — печаль облаковъ.

И каждый другого зажжетъ
И снова потушитъ костеръ,
И каждый печально вздохнетъ,
Взглянувши другому во взоръ . . .

Да буду я — царь надъ собой,
Со мною — да будетъ мой гнѣвъ,
Чтобъ видѣть надъ бездной глухой
Черты ослѣпительныхъ дѣвъ!

Я самъ свою жизнь сотворю,
И самъ свою жизнь погублю.
Я буду смотрѣть на зарю
Лишь съ тѣми, кого полюблю.

*

Шлейфъ, забрызганный звѣздами,
Синій, синій, синій взоръ.
Межъ землей и небесами
Вихремъ поднятый костеръ.

Жизнь и смерть въ круженьи вѣчномъ,
Вся — въ шелкахъ тугихъ —
Ты — путямъ открыта млечнымъ,
Скрыта въ тучахъ грозовыхъ.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свѣтъ, пролейся мгла . . .
Ты — рукою узкой, бѣлой, странной
Факелъ-кубокъ въ руки мнѣ дала.

Кубокъ-факелъ брошу въ куполъ синій —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь надъ всей пустыней
Шлейфъ кометы развернуть.

Дай серебряныхъ коснуться складокъ,
Равнодушнымъ сердцемъ знать,
Какъ мой путь страдальный сладокъ,
Какъ легко и ясно умирать.

*

РУСЬ

Ты и во снѣ необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ — ты почіешь, Русь.

Русь, опоясана рѣками
И дебрями окружена,
Съ болотами и журавлями,
И съ мутнымъ взоромъ колдуна,

Гдѣ разноликіе народы
Изъ края въ край, изъ дола въ долъ
Ведутъ ночные хороводы
Подъ заревомъ горящихъ селъ.

Гдѣ вѣдуны съ ворожеями
Чаруютъ злаки на поляхъ,
И вѣдьмы тѣшатся съ чертями
Въ дорожныхъ снѣговыхъ столбахъ.

Гдѣ буйно заметаетъ вьюга
До крыши — утлое жилье,
И дѣвушка на злого друга
Подъ снѣгомъ точитъ лезвее.

Гдѣ всѣ пути и всѣ распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящій въ голыхъ прутьяхъ,
Поетъ преданья старины . . .

Такъ — я узналъ въ моей дремотѣ
Страны родимой нищету,
И въ лоскутахъ ея лохмотій
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протопталъ,
И тамъ, на кладбищѣ ночуя,
Подолгу пѣсни распѣвалъ.

И самъ не понялъ, не измѣрилъ,
Кому я пѣсни посвятилъ,
Въ какого Бога страстно вѣрилъ,
Какую дѣвушку любилъ.

Живую душу укачала,
Русь, на своихъ просторахъ, ты,
И вотъ, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ почиваетъ Русь.
Она и въ снахъ необычайна,
Ея одежды не коснусь.

1906

*

СЫНЪ И МАТЬ

Моей матери

Сынъ осѣняется крестомъ.
Сынъ покидаетъ отчій домъ.

Въ пѣсняхъ матери оставленной
Золотая радость есть:
Только бъ онъ пришелъ прославленный,
Только бъ радость перенесть!

Вотъ, въ доспѣхѣ ослѣпительномъ,
Слышно, ходитъ сынъ во мглѣ.
Духъ свой предалъ небожителямъ,
Сердце — матери землѣ.

Пѣтухи поютъ къ заутренѣ,
Ночь испуганно бѣжитъ.
Хриплый рогъ тумановъ утреннихъ
За спиной ея трубитъ.

Поднялись надъ луговинами
Кудри спутанные мховъ,
Мѣтятъ взорами совиными
Въ стаю легкихъ облаковъ . . .

Вотъ онъ, сынъ мой, въ свѣтломъ облакѣ,
Въ шлемѣ утренней зари!
Сыплетъ онъ стрѣлами колкими
Въ чернолѣсья, въ пустыри! . .

Вѣетъ вѣтеръ очистительный
Отъ небесной синевы.
Сынъ бросаетъ мечъ губительный,
Шлемъ снимаетъ съ головы.

Точитъ грудь его пронзенная
Кровь и горнія хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
Отъ ночной туманной мглы!

Въ сердцѣ матери оставленной
Золотая радость есть:
Вотъ онъ, сынъ мой, окровавленный!
Только бъ радость перенесть!

Сынъ не забылъ родную мать:
Сынъ воротился умирать.

*

Нѣтъ имени тебѣ, мой дальній.

Вдали лежала мать, больна.
Надъ ней склонялась все печальнѣй
Ея сидѣлка — тишина.

Но счастье было безначальнѣй,
Чѣмъ тишина. Была весна.

Ты подходилъ къ стеклянной двери
И тамъ стоялъ, въ саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокую меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны .
И на балконѣ тѣнь дрожала
Ея сидѣлки — тишины . . .

Мгновенье — въ зеркалѣ старинномъ
Я видѣла себя, себя . . .
И шелестила платьемъ длиннымъ
По ступенямъ — встрѣчать тебя.

И жали руку эти руки . .
И трепетала въ нихъ она . . .
Но издали летѣли звуки:
Тамъ . . . задыхалась тишина.

И мигъ еще — въ оконной рамѣ
Я видѣла — уходишь ты . . .

И въ окна къ бѣдной, бѣдной мамѣ
Съ балкона кланялись цвѣты . . .

Къ ней прилегла въ опочивальнѣ
Ея сидѣлка — тишина . . .

Я здѣсь, въ моей дѣвичьей спальнѣ,
И рукъ не разомкнуть . . . одна . . .

Нѣтъ имени тебѣ, весна.
Нѣтъ имени тебѣ, мой дальній.

*

УГАРЪ

Заплетаемъ, расплетаемъ
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будемъ счастьемъ, будемъ раемъ.
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешемъ,
Пѣсни длинныя поемъ,
Поиграемъ и потѣшимъ —
Будетъ маленькимъ царемъ,
Царь повыраститъ потомъ . . .

Вотъ ребенокъ засыпаетъ
На груди твоей, сестра . . .
Слышишь, онъ во снѣ вздыхаетъ, —
Видитъ красный свѣтъ костра:
На костеръ итти пора!

Положи вѣнокъ багряный
Изъ удушливыхъ углей
Въ завитки его кудрей:
Пусть онъ грезитъ въ часъ румяный,
Что на немъ — вѣнецъ царей . . .

Пойте стройную стихиру:
Царь отходитъ почивать!
Пѣсня носится по міру —
Будутъ Ангелы вздыхать,
Надъ костромъ, кружа, рыдать.

Тихо въ сонной колыбели
Успокоился царекъ.
Дѣвы-сестры улетѣли —
Сизый стелется дымокъ,
Рдѣетъ красный уголекъ.

*

ТИШИНА ЦВѢТЕТЪ

Здѣсь тишина цвѣтетъ и движетъ
Тяжелымъ кораблемъ души,
И вѣтеръ, песъ послушный, лижетъ
Чуть пригнутые камыши.

Здѣсь въ заводь праздную желанье
Свои приводитъ корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальнихъ ропотахъ земли.

Здѣсь легкимъ образамъ и думамъ
Я отдаю стихи мои,
И томнымъ ихъ встрѣчаютъ шумомъ
Рѣки согласныя струи.

И, томно опустивъ рѣсницы,
Вы, дѣвушки, въ стихахъ прочли,
Какъ отъ страницы до страницы
Въ даль потянули журавли.

И каждый звукъ былъ вамъ намекомъ
И несказаннымъ — каждый стихъ.
И вы любили на широкомъ
Просторѣ легкихъ риѳмъ моихъ.

И каждая навѣкъ узнала
И не забудетъ никогда,
Какъ обнимала, цѣловала,
Какъ пѣла тихая вода.

*

Такъ окрыленно, такъ напѣвно
Царевна пѣла о веснѣ.
И я сказалъ: «Смотри, царевна,
«Ты будешь плакать обо мнѣ».

Но руки мнѣ легли на плечи,
И прозвучало: «Нѣтъ. Прости.
«Возьми свой мечъ. Готовься къ сѣчѣ.
«Я сохраню тебя въ пути.

«Иди, иди, вернешься молодъ
«И долгу вѣренъ своему.
«Я сохраню мой ледъ и холодъ,
«Замкнусь въ хрустальномъ терему.

«И будетъ радость въ долгихъ взорахъ,
«И тихо протекутъ года.
«Вкругъ замка будетъ вѣчный шорохъ,
«Во рву — прозрачная вода . . .

«Да, я готова къ поздней встрѣчѣ,
«Навстрѣчу руки протяну
«Тебѣ, несущему изъ сѣчи
«На остріѣ копья — весну».

Даль опустила синій пологъ
Надъ замкомъ, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой дологъ.
Иду за огненной весной.

*

Ты можешь по травѣ зеленой
    Всю церковь обойти,
И сѣсть на паперти замшеной,
    И кружево плести.

Ты можешь опустить рѣсницы,
    Когда я прохожу,
Поправить кофточку изъ ситца,
    Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
    Какъ цвѣтикъ голубой,
И эти косы слишкомъ длинны
    Для шляпки городской.

Но ты гуляешь съ краснымъ бантомъ
    И сѣмячки лущишь,
Телеграфисту съ желтымъ кантомъ
    Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
    Сквозь мокрую траву
Прійти въ туманъ чужого сада,
    Когда я позову.

*

Ищу огней — огней попутныхъ
Въ твой черный, вѣдовской предѣлъ.
Межъ темныхъ заводей и мутныхъ
Огромный мѣсяцъ покраснѣлъ.

Его двойникъ плыветъ надъ лѣсомъ
И скоро станетъ золотымъ.
Тогда — просторъ болотнымъ бѣсамъ,
И водянымъ, и лѣсовымъ.

Вертлявый бѣсъ верхушкой ели
Проткнетъ небесный золотой,
И долго будутъ пѣть свирѣли,
И стадо звякать за рѣкой . . .

И дальше путь, и мѣсяцъ выше,
И звѣзды меркнутъ въ серебрѣ.
И тихо озарились крыши
Въ ночной деревнѣ, на горѣ.

Иду, и холодѣютъ росы,
И серебрятся о тебѣ,
Все о тебѣ, расплетшей косы
Для друга тайнаго, въ избѣ.

Дай мнѣ пахучихъ, душныхъ зелій
И ядомъ сладкимъ заморочь,
Чтобъ, разъ вкусивъ твоихъ веселій,
Навѣки помнить эту ночь.

*

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛЪ

Весны и зимы мѣняли убранство.
Мѣсяцъ по небу катился — зловѣщій фонарь.
Вы, люди, рождались съ желаньемъ скорѣй
умереть,
Страхомъ ночнымъ обезсилены.

А надъ болотомъ — проклятый звонарь
Билъ и будилъ колокольную мѣдь.
Звуки летѣли, какъ филины,
Въ ночное пространство.

Колоколъ самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тотъ, что утромъ скликалъ прихожанъ,
По ночамъ расточалъ эти звуки.

Кто разсѣетъ болотный туманъ,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качаютъ проклятыя руки
Этотъ колоколъ плѣнный?

Въ часъ угрюмаго звона я былъ
Подъ стѣной, средь болотной травы,
Я узналъ тебя, черный звонарь,
Но не мнѣ укротить твою мѣдь!

Я въ туманахъ бродилъ.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Мѣсяцъ будетъ вамъ — красный, зловѣщій
фонарь,
Страшный колоколъ будетъ вамъ пѣть!

*

О жизни, догорѣвшей въ хорѣ
На темномъ клиросѣ Твоемъ.
О Дѣвѣ съ тайной въ свѣтломъ взорѣ
Надъ осіяннымъ алтаремъ.

О томныхъ дѣвушкахъ у двери,
Гдѣ вѣчный сумракъ и хвала.
О дальной Мэри, свѣтлой Мэри,
Въ чьихъ взорахъ — свѣтъ, въ чьихъ
косахъ — мгла.

Ты дремлешь, Боже, на иконѣ,
Въ дыму кадильницъ голубыхъ.
Я предъ тобою, на амвонѣ,
Я — сумракъ улицъ городскихъ.

Со мной весна въ твой храмъ вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, какъ дымъ кадила,
Она — туманная весна.

И мы подъ сводомъ вѣемъ, вѣемъ,
Мы стелемся надъ алтаремъ,
Мы надъ народомъ чары дѣемъ
И Мэри свѣтлую поемъ.

И дѣвушки у темной двери,
На всѣхъ ступеняхъ алтаря —
Какъ засвѣтлѣвшая отъ Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкій волосъ
Скользитъ и вѣетъ вкругъ лица,
И на амвонѣ женскій голосъ
Поетъ о Мэри безъ конца.

О розахъ надъ ея иконой,
Гдѣ вѣчный сумракъ и хвала,
О дѣвѣ дальней, благосклонной,
Въ чьихъ взорахъ — свѣтъ, въ чьихъ
косахъ — мгла.

*

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ — тишина.
Мы одну и ту же любимъ,
Легковѣйная весна.

Какъ согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не рѣчами
Покорила насъ она,

Удивленными очами
Мы съ тобой покорены,
Надъ округлыми плечами
Косы въ узелъ сплетены.

Эта дѣвушка узнала
Чары легкія весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нѣжныя сплела,
Тонкій станъ заколдовала,
Въ храмъ вечерній привела,

Обняла дѣвичьи плечи,
Поднялась въ колокола,
Погасила въ храмѣ свѣчи,
Осѣнила купола,

И за дѣвушкой — далече
Въ синихъ улицахъ — весна,
Смолкли звоны, стихли рѣчи,
Кротко молится она . . .

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ — тишина.
Мы съ тобой такъ нѣжно любимъ,
Тиховѣйная весна!

*

БАЛАГАНЪ

Ну, старая кляча, пойдемъ
ломать своего Шекспира.
Кинъ

Надъ черной слякотью дороги
Не поднимается туманъ.
Везутъ, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаганъ.

Лицо дневное Арлекина
Еще блѣднѣй, чѣмъ ликъ Пьеро.
И въ уголъ прячетъ Коломбина
Лохмотья, сшитыя пестро . . .

Тащитесь, траурныя клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы отъ истины ходячей
Всѣмъ стало больно и свѣтло!

Въ тайникъ души проникла плѣсень,
Но надо плакать, пѣть, идти,
Чтобъ въ рай моихъ заморскихъ пѣсенъ
Открылись торные пути.

*

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающаго дня.

Я на землѣ, грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальнiе раскаты,
И вижу радуги межу.

Взойду по ней, по семицвѣтной
И незапятнанной стезѣ —
Съ улыбкой тихой и привѣтной
Смотрѣть въ глаза твоей грозѣ.

*

Въ часъ глухой разлуки съ моремъ,
Съ тихо ропщущимъ прибоемъ,
Съ отуманенною далью —

Мы одни, съ великимъ горемъ,
Сѣдины свои закроемъ
Бѣлымъ саваномъ — печалью.

Протекутъ еще мгновенья,
Канутъ въ темные вѣка.

Будутъ новыя видѣнья.
Будетъ старая тоска.

И въ печальный саванъ кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидимъ мы тогда, —

Какъ горитъ твой млечный поясъ!
Какъ летитъ къ родному морю
Серебристая звѣзда!

*

Сольвейгъ! О, Сольвейгъ! О, Солнечный Путь!
Дай мнѣ вздохнуть, освѣжить мою грудь!

Въ темныхъ провалахъ, гдѣ дышитъ гроза,
Вижу зеленые злые глаза

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мракѣ слова?

Чей ослѣпительный плащъ на лету
Путь открываетъ въ твою высоту?

Знаю — въ горахъ распѣваютъ рога,
Волей твоей зацвѣтаютъ луга.

Дай отдохнуть на уступѣ скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Внизъ сорвались, какъ потоки дождя,

Чтобъ надъ омытой душой въ вышинѣ
День золотой былъ всерадостенъ мнѣ!

*

Въ серебрѣ росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нѣжныя слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Мѣсяцъ залилъ свѣтомъ высь.

Вдалекѣ поютъ ручьи.
Руки бѣлыя твои —
Двѣ холодныя змѣи.

Шевельни смолистый злакъ.
Ты открой твой мертвый зракъ.
Ты подай мнѣ тихій знакъ.

*

УСТАЛОСТЬ

Кому назначенъ темный жребій,
Надъ тѣмъ не властенъ хороводъ.
Онъ, какъ звѣзда, утонетъ въ небѣ,
И новая звѣзда взойдетъ.

И кратокъ путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже риѳмы нѣтъ короче
Глухой, крылатой риѳмы: *смерть.*

И есть ланитъ живая алость,
Печаль свиданій и разлукъ . . .
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертныхъ мукъ.

*

Придутъ незамѣтныя бѣлыя ночи.
И душу вытравятъ бѣлымъ свѣтомъ.
И безсонныя птицы выклюютъ очи.
И буду ждать я съ лицомъ воздѣтымъ,

Я буду мертвый — съ лицомъ подъятымъ.
Придетъ, кто больше на свѣтѣ любитъ:
Въ мертвыя губы меня поцѣлуетъ,
Закроетъ меня благовоннымъ платомъ.

Придутъ другіе, разрыхлятъ глыбы,
Зароютъ, — уйдутъ безпокойно прочь:
Они обо мнѣ помолиться могли бы,
Да вотъ — помѣшала бѣлая ночь!

*

Зачатый въ ночь, я въ ночь рожденъ
И вскрикнулъ я, прозрѣвъ:
Такъ тяжекъ матери былъ стонъ,
Такъ черенъ ночи зѣвъ.
Когда же сумракъ порѣдѣлъ,
Унылый день повлекъ
Клубокъ однообразныхъ дѣлъ,
Безрадостный клубокъ.
Что быть должно — то быть должно.
Такъ пѣла съ дѣтскихъ лѣтъ
Шарманка въ низкое окно,
И вотъ — я сталъ поэтъ.
Влюбленность расцвѣла въ кудряхъ
И въ ранней грусти глазъ.
И былъ я въ розовыхъ цѣпяхъ
У женщинъ много разъ.
И все, *какъ быть должно*, пошло:
Любовь, стихи, тоска:
Все приняла въ свое русло
Спокойная рѣка.
Какъ ночь слѣпа, такъ я былъ слѣпъ,
И думалъ жить слѣпой . . .
Но разъ открыли темный склепъ,
Сказали: *Богъ съ тобой.*
Въ ту ночь былъ бѣлый ледоходъ,
Разливъ осеннихъ водъ.
Я думалъ: — Вотъ, рѣка идетъ.
И я пошелъ впередъ.

Въ ту ночь рѣка во мглѣ была,
    И въ ночь и въ темноту
Та — незнакомая, пришла
    И встала на мосту.
Она была — живой костеръ
    Изъ снѣга и вина.
Кто разъ взглянулъ въ желанный взоръ,
    Тотъ знаетъ, кто она.
И тихо за руку взяла
    И глянула въ лицо.
И маску бѣлую дала
    И свѣтлое кольцо.
— Довольно жить, оставь слова,
    — Я, какъ метель, звонка,
— Иною жизнію жива,
    — Инымъ огнемъ ярка.
Она зоветъ. Она манитъ.
    Въ снѣгахъ земля и твердь.
Что мнѣ поетъ? Что мнѣ звенитъ?
    Иная жизнь? Глухая смерть?

*

Съ каждой весною пути мои круче,
    Мертвеннѣй сумракъ очей.
Съ каждой весною яснѣй и пѣвучѣй
    Таинства бѣлыхъ ночей.

Мѣсяцъ ладью опрокинулъ въ послѣдней
    Блѣдной могилѣ, — и вотъ
Стертыя лица и пьяныя бредни . . .
    Карты . . . Цыганка поетъ.

Смѣхомъ волнуемый чернымъ и громкимъ,
    Былъ у насъ пламенный ликъ.
Свѣтъ набѣжалъ. Промелькнули потемки.
    Вотъ онъ: безстрастенъ и дикъ.

Видишь, и мнѣ наступила на горло,
    Душитъ красавица ночь . . .
Краски послѣднія смыла и стерла . . .
    Что жъ? Если можешь, пророчь . . .

Ласки мои неумѣлы и грубы,
    Ты же — нѣжнѣе, чѣмъ май.
Что же? Цѣлуй въ помертвѣлыя губы.
    Поясъ печальный снимай.

*

ДѢВУШКѢ

Ты передъ нимъ, что стебель гибкій,
Онъ предъ тобой, что лютый звѣрь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится въ дверь.

А если онъ ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успѣешь — въ горницѣ немилой
Сухія стѣны подожги.

А если близокъ часъ позорный,
Ты повернись лицомъ къ углу,
Свяжи узломъ платокъ свой черный
И въ черный узелъ спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
Въ ладони грубыя, когда
Въ его рукахъ ты будешь биться,
Крича отъ боли и стыда . . .

И пусть въ угарѣ страсти грубой
Онъ не запомнитъ, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубокимъ шрамомъ вдоль плеча!

*

Когда я создавалъ героя,
Кремень дробя, пласты дѣля,
Какого вѣчнаго покоя
Была исполнена земля!
Но въ зацвѣтающей лазури
Уже боролись свѣтъ и тьма,
Уже металась въ синей бурѣ
Одежды яркая кайма . . .
Щитъ ослѣпительно сверкучій
Сіялъ въ разрывѣ синихъ тучъ,
И свѣтлый мечъ, пронзая тучи,
Разилъ, какъ неуклонный лучъ . . .
Еще не явленъ ликъ чудесный,
Но я провижу ликъ — зарю,
И въ очи молніи небесной
Съ чудеснымъ трепетомъ смотрю!

*

Всюду ясность Божія,
Ясныя поля,
Дѣвушки пригожія,
Какъ сама земля.

Только вѣрить хочешь все,
Что на склонѣ лѣтъ
Ты, душа, воротишься
Въ самый ясный свѣтъ.

*

Она пришла съ заката.
Былъ плащъ ея заколотъ
Цвѣткомъ нездѣшнихъ странъ.

Звала меня куда-то
Въ безцѣльный зимній холодъ
И въ сѣверный туманъ.

И былъ костеръ въ полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сіяли ярко очи,
И черными змѣями
Распуталась коса.

И змѣи окрутили
Мой умъ и духъ высокій
Распяли на крестѣ.

И въ вихрѣ снѣжной пыли
Я вѣренъ черноокой
Змѣиной красотѣ.

*

Я миновалъ закатъ багряный,
Ряды строеній миновалъ,
Вступилъ въ обманы и туманы, —
Огнями мнѣ сверкнулъ вокзалъ . . .

Я сдавленъ давкой человѣчьей,
Едва не оттѣсненъ назадъ . . .
И вотъ — ея глаза и плечи,
И черныхъ перьевъ водопадъ . . .

Проходитъ въ часъ опредѣленный,
За нею — карликъ, шлейфъ влача . . .
И я смотрю во слѣдъ, влюбленный,
Какъ плѣнный рабъ — на палача . . .

Она проходитъ — и не взглянетъ,
Пренебреженіемъ казня . . .
И только карликъ не устанетъ
Глядѣть съ усмѣшкой на меня.

*

Твое лицо мнѣ такъ знакомо,
Какъ будто ты жила со мной.
Въ гостяхъ, на улицѣ и дома
Я вижу тонкій профиль твой.
Твои шаги звенятъ за мною,
Куда я ни войду, ты тамъ.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночамъ?
Не ты-ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь въ двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна видѣнному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумномъ,
Сидѣла, молча, на могилѣ
Въ платочкѣ ситцевомъ своемъ?
Я приближался — ты сидѣла,
Я подошелъ — ты отошла,
Спустилась къ рѣчкѣ и запѣла . . .
На голосъ твой колокола
Откликнулись вечернимъ звономъ . . .
И плакалъ я, и робко ждалъ . . .
Но за вечернимъ перезвономъ
Твой милый голосъ затихалъ . . .
Еще мгновенье — нѣтъ отвѣта,
Платокъ мелькаетъ за рѣкой . . .
Но знаю горестно, что гдѣ то
Еще увидимся съ тобой.

*

ГОРОДЪ

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ

Раннимъ утромъ, когда люди лѣнились шеве-
литься,
Сѣрый сонъ предчувствуя послѣднихъ дней зимы,
Пробудились въ комнатѣ мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадежно догорѣли свѣчи,
Оплывшій огарокъ маячилъ въ оплывшихъ
глазахъ.
За холоднымъ окномъ дрожали женскія плечи,
Мужчина передъ зеркаломъ расчесывалъ проборъ
въ волосахъ.

Но сѣрое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, какъ смерть, блѣдна.
Еще вечеромъ у фонаря ея лицо блеснуло,
Въ этой самой комнатѣ была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всемъ былъ сѣрый постылый налетъ.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бу-
мажки,
Всѣхъ ужаснѣй въ комнатѣ былъ красный комодъ.

И вдругъ влетѣли звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась подъ вѣтромъ, осыпая снѣгъ.
Въ церкви ударилъ колоколъ. Распахнулись
форточки,
И внизу сталъ слышенъ торопливый бѣгъ.

Люди суетливо выбѣгали за ворота
(Улицу скрывалъ дощатый заборъ).
Мальчишки, женщины, дворники замѣтили что то,
Махали руками, чертя незнакомый узоръ.

Бился колоколъ. Гудѣли крики, лай и ржанье.
Тамъ, на грязной улицѣ, гдѣ люди собрались,
Женщина-блудница — отъ ложа пьянаго
желанья —
На колѣняхъ, въ рубашкѣ, поднимала руки
ввысь . . .

Высоко — надъ домами — въ туманѣ снѣжной
бури,
На мѣстѣ полуденныхъ тучъ и полунощныхъ
звѣздъ,
Розовымъ зигзагомъ въ разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкій крестъ.

*

ПЕТРЪ

Евг. Иванову

Онъ спитъ, пока закатъ румянъ.
И сонно розовѣютъ латы.
И съ тихимъ свистомъ сквозь туманъ
Глядится Змѣй, копытомъ сжатый.

Сойдутъ глухіе вечера,
Змѣй расклубится надъ домами.
Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснутъ витрины и троттуары.
Въ мерцаньи тусклыхъ площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всѣхъ укроетъ мгла,
Потонетъ взглядъ въ манящемъ взглядѣ.
Пускай невинность изъ угла
Протяжно молитъ о пощадѣ!

Тамъ, на скалѣ, веселый царь
Взмахнулъ зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящій облачила!

Бѣгите всѣ на зовъ! на ловъ!
На перекрестки улицъ лунныхъ!
Весь городъ полонъ голосовъ
Мужскихъ — крикливыхъ, женскихъ — струнныхъ!

Онъ будетъ городъ свой беречь,
И, заалѣвъ передъ денницей,
Въ рукѣ простертой вспыхнетъ мечъ
Надъ затихающей столицей.

*

ПОЕДИНОКЪ

Дни и ночи я безволенъ,
Жду чудесъ, дремлю безъ сна.
Въ пѣсняхъ дальнихъ колоколенъ
Пробуждается весна.

Чутко вѣетъ надъ столицей
Угнетеннаго Петра.
Вечерница льнетъ къ денницѣ,
Несказаннѣй вечера.

И зарей — очамъ усталымъ
Предстоитъ, озарена,
За прозрачнымъ покрываломъ
Лучезарная Жена . . .

Вдругъ летитъ съ отвагой ратной —
Въ бранномъ шлемѣ голова —
Ясный, Кроткій, Златолатный,
Кѣмъ возвысилась Москва!

Ангелъ, Мученикъ, Посланецъ
Поднялъ звонкую трубу . . .
Слышу коней тяжкій танецъ,
Вижу смертную борьбу . . .

Свѣтлый Мужъ ударилъ Дѣда!
Бѣлый — чернаго коня! . . .
Пусть послѣдняя побѣда
Довершится безъ меня! . .

Я бѣгу на воздухъ вольный,
Жаромъ битвы утомленъ . . .
Бейся, колоколъ раздольный,
Разглашай весенній звонъ!

Чуждый спорамъ, вѣрный взорамъ
Дѣвы алыхъ вечеровъ,
Я опять иду дозоромъ
Въ тѣнь узорныхъ теремовъ:

Не мелькнетъ ли лучъ въ свѣтлицѣ?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдетъ ли отъ божницы
Лучезарная Сама?

*

ОБМАНЪ

Въ пустомъ переулкѣ весеннія воды
Бѣгутъ, бормочутъ, а дѣвушка хохочетъ.
Пьяный красный карликъ не даетъ проходу,
Пляшетъ, брызжетъ воду, платье мочитъ.

Дѣвушкѣ страшно. Закрылась платочкомъ.
Темный вечеръ ближе. Солнце за трубой.
Карликъ прыгнулъ въ лужицу краснымъ комоч-
комъ,
Гонитъ струйку къ струйкѣ сморщенной рукой.

Дѣвушку манитъ и пугаетъ отраженье.
Издали мигнулъ одинокій фонарь.
Красное солнце сѣло за строенье.
Хохотъ. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки . . .
Гдѣ-то каплетъ съ крыши . . . гдѣ-то кашель
старика . . .
Безжизненно цѣпляются холодныя руки . . .
Въ расширенныхъ глазахъ не видно зрачка . . .

. . . .

Какъ страшно! Какъ бездомно! Тамъ, у забора,
Легла некрасивымъ мокрымъ комкомъ.
Плачетъ, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться съ дьявольскимъ клеймомъ...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутыя кадки.
Въ свѣтлыхъ струйкахъ весело пляшетъ синева.
По улицамъ ставятъ красныя рогатки.
Шлепаютъ солдатики: разъ! два! разъ! два!

Въ переулкѣ у мокраго забора надъ тѣломъ
Спящей дѣвушки — трясется, бормочетъ голова;
Безобразный карликъ занятъ дѣломъ:
Спускаетъ въ ручеекъ башмаки: разъ! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняетъ ихъ красный колпакъ . .
Хохотъ. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывутъ собачьи уши, борода и красный фракъ ...

Пронеслись, — и струйки шепчутъ невнятно.
Дѣвушка медленно очнулась отъ сна:
Въ глазахъ ея красно-голубыя пятна.
Блески солнца. Струйки. Брызги. Весна.

*

Вѣчность бросила въ городъ
Оловянный закатъ.
Край небесный распоротъ,
Переулки гудятъ.

Все безсилье гаданья
У меня на плечахъ.
Въ окнахъ фабрикъ — преданья
О разгульныхъ ночахъ.

Оловянныя кровли —
Всѣмъ безумнымъ пріютъ.
Въ этотъ городъ торговли
Небеса не сойдутъ.

Этотъ воздухъ такъ гулокъ,
Такъ заманчивъ обманъ.
Уводи, переулокъ,
Въ дымно-сизый туманъ . . .

*

Городъ въ красные предѣлы
Мертвый ликъ свой обратилъ,
Сѣро-каменное тѣло
Кровью солнца окатилъ.

Стѣны фабрикъ, стекла оконъ,
Грязно-рыжее пальто,
Развѣвающійся локонъ —
Все закатомъ залито.

Блещутъ искристыя гривы
Золотыхъ, какъ жаръ, коней,
Мчатся бѣшеныя дива
Жадныхъ облачныхъ грудей,

Красный дворникъ плещетъ ведра
Съ пьяно-алою водой,
Пляшутъ огненныя бедра
Проститутки площадной,

И на башнѣ колокольной
Въ гулкій плясъ и мѣдный зыкъ
Кажетъ колоколъ раздольный
Окровавленный языкъ.

*

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой другъ — влюбленъ въ луну — живетъ ея
обманомъ.
Вотъ — третій на пути. О, милый другъ мой,
ты-ль
Въ измятомъ картузѣ надъ взоромъ оловяннымъ?

И — трое мы бредемъ. Лежитъ пластами пыль.
Все пусто — здѣсь и тамъ — подъ зноемъ не-
устаннымъ.
Заборы, какъ гроба. Въ канавахъ прѣетъ гниль.
Все, все погребено въ безлюдьи окаянномъ.

Стучимъ. Печаль въ домахъ. Покойники въ гро-
бахъ.
Мы робко шепчемъ въ дверь: «Не умеръ — спитъ
вашъ близкій» . . .
Но старая, въ чепцѣ, наморщивъ лобъ свой низкій,
Кричитъ: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прахъ!»

И дальше мы бредемъ. И видимъ въ щели зданій
Старинную игру вечернихъ содроганій.

*

ГИМНЪ

Въ пыльный городъ небесный кузнецъ прикатилъ
  Огневой перемѣнчивый дискъ.
И по улицамъ — словно безчисленныхъ пилъ
  Смѣхъ и скрежетъ и визгъ.

Вотъ въ окно, гдѣ спокойно текла
  Пыльно-сѣрая мгла,
Лучъ вонзился въ прожженное сердце стекла,
  Какъ игла.

Всѣ испуганно пьяной толпой
  Покидаютъ могилы домовъ . . .
Вотъ — всѣмъ тѣломъ прижатъ подъ фабричной
трубой
  Незнакомый съ весельемъ разгульныхъ часовъ . . .

Онъ вонзился ногтями въ кирпичъ
  Въ унизительной позѣ грѣха . . .

Но небесный кузнецъ раздуваетъ мѣха,
  И свиститъ раскаленный пылающій бичъ.

Вотъ — на грудѣ горячихъ камней
  Распростерта не смѣвшая пасть . . .
Грудь раскрыта — и бродитъ межъ темныхъ бровей
  Набѣжавшая страсть . . .

Вотъ — монахъ, опустившій глаза,
Торопливо идущій впередъ . . .
Но и тѣхъ, кто безумно обѣты даетъ,
Кто безстрастные гимны поетъ,
Настигаетъ гроза!

Всѣмъ раскрывшимъ предъ солнцемъ тоскливую
грудь
На распутьяхъ, въ подвалахъ, на башняхъ —
хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь —
Наши гимны, и пѣсни, и сны — безъ числа! . . .

Золотая игла!
Исполинскимъ лучомъ пораженная мгла!
Опаленнымъ, сметеннымъ, сожженнымъ до тла —
Хвала!

*

Поднимались изъ тьмы погребовъ.
Уходили ихъ головы въ плечи.
Тихо выросли шумы шаговъ,
Словеса незнакомыхъ нарѣчій.

Скоро прибыли толпы другихъ,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камнямъ мостовыхъ,
Изъ земли воздвигали палаты.

Встала улица, сѣрымъ полна,
Заткалась паутинною пряжей
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя протокъ экипажей.

Скоро день глубоко отступилъ,
Въ небѣ дальнемъ разставившій зори.
А незримый потокъ шелестилъ,
Проливаясь въ нашъ городъ, какъ въ море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть замѣнятъ насъ новые люди!
Въ тѣхъ же мукахъ рождала ихъ мать,
Такъ же нѣжно кормила у груди . . .

Въ пеленѣ отходящаго дня
Намъ была эта участь понятна . . .
Намъ послѣдній закатъ изъ огня
Сочеталъ и соткалъ свои пятна.

Не стерегъ изступленный драконъ,
Не пылала подъ нами геенна.
Затопили насъ волны временъ,
И была наша участь — мгновенна.

*

Въ высь изверженные дымы
Застилали свѣтъ зари.
Былъ театръ окутанъ мглою.
Ждали новой пантомимы,
Надъ вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и смѣнились,
Утонули въ темной массѣ
Прибывающей толпы.
Сквозь туманъ лучи дробились,
И мерцали въ дальней кассѣ
Золоченые гербы.

Гулкій городъ, полный дрожи,
Выросталъ у входа въ залъ.
Звуки бѣшено ломились . . .
Но, взлетая къ двери ложи,
Рокотъ смутно замиралъ,
Гдѣ поклонники толпились . . .

Въ темномъ залѣ свѣтъ заемный
Могъ мерцать и отдохнуть.
Въ ложѣ — вѣщая сибилла,
Облачась въ уборъ нескромный,
Черный вѣеръ распустила,
Чернымъ шелкомъ оттѣнила
Блѣдно-матовую грудь.

Лишь въ глазахъ таился вызовъ,
Но въ глаза вливался мракъ . . .
И отъ ложъ до темной сцены,
Съ позолоченныхъ карнизовъ,
Отраженный, перемѣнный —
Свѣтъ мерцалъ въ глазахъ зѣвакъ . . .

Я покину сонъ угрюмый,
Буду первый предъ толпой:
Взору смерти — взоръ отвѣтный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану въ очередь съ тобой!

*

Блеснуло въ глазахъ. Метнулось въ мечтѣ.
Прильнуло къ дрожащему сердцу.
Красный съ козелъ спрыгнулъ — и на
                              свѣтлой чертѣ
Распахнулъ каретную дверцу.

Нищій поднялъ дрожащій фонарь:
Афиша на мокромъ столбѣ . . .
Ступила на свѣтлый троттуаръ,
Исчезла въ толпѣ.

Лучъ дождливую мглу пронизалъ —
Богиня вступила въ склепъ . . .
Гори, маскарадный залъ!
Здѣсь нищій во мглѣ ослѣпъ.

*

День поблекъ, изящный и невинный.
Вечеръ заглянулъ сквозь кружева.
И надъ книгою старинной
Закружилась голова.

Встала въ легкой полутѣни,
Заструилась вдоль перилъ . . .
Въ голубыхъ сѣтяхъ растенiй
Кто то медленный скользилъ.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала объ убiйствѣ —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовыя кисти
Въ зеркала.

*

Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ,
Въ электрическомъ снѣ наяву
Я искалъ безконечно красивыхъ
И безсмертно влюбленныхъ въ молву.

Были улицы пьяны отъ криковъ.
Были солнца въ сверканьи витринъ.
Красота этихъ женственныхъ ликовъ!
Эти гордые взоры мужчинъ!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросилъ старика у стѣны:
— Ты украсилъ ихъ тонкіе пальцы
— Жемчугами несмѣтной цѣны?

— Ты имъ далъ разноцвѣтныя шубки?
— Ты зажегъ ихъ снопами лучей?
— Ты раскрасилъ пунцовыя губки,
— Синеватыя дуги бровей?

Но старикъ ничего не отвѣтилъ,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно свѣтелъ,
Эту музыку блеска впивать . . .

А онѣ проходили все мимо,
Смутно каждая въ сердцѣ тая,
Чтобъ навѣки, ни съ кѣмъ несравнимой,
Отлетѣть въ голубые края.

И мелькала за парою пара . . .
Ждалъ я Свѣтлаго Ангела къ намъ,
Чтобы здѣсь, въ ликованьи троттуара,
Онъ одну пріобщилъ небесамъ . . .

А вверху — на уступѣ опасномъ —
Тихо съежившись, карликъ приникъ,
И казался намъ знаменемъ краснымъ
Распластавшійся въ небѣ языкъ.

*

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкій крикъ рабочихъ
Слышенъ издали.
Пѣсни и тревога
На пустой рѣкѣ.
Входитъ кто-то сильный
Въ сѣромъ армякѣ.
Руль дощатый сдвинулъ,
Парусъ распустилъ
И багоръ закинулъ,
Грудью надавилъ.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побѣжали мимо
Пестрые дома.
Вотъ они далеко,
Весело плывутъ.
Только насъ съ собою,
Вѣрно, не возьмутъ!

*

Улица, улица . . .
Тѣни беззвучно спѣшащихъ
Тѣло продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
Въ сонное озеро города — зимняго холода . . .

Спите. Забудьте слова лучезарныхъ.

О, еслибъ не было въ окнахъ
Свѣтовъ мерцающихъ!
Шторъ и пунцовыхъ цвѣточковъ!
Лицъ, наклоненныхъ надъ скудной работой!

Все тихо.
Луна поднялась.
И облачныхъ перьевъ ряды
Разбѣжались далеко.

*

ПОВѢСТЬ

Г. Чулкову

Въ окнахъ, занавѣшанныхъ сѣтью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился внизъ.
Сѣрые прохожіе усердно проносили
Грузъ вечернихъ сплетенъ, усталыхъ стертыхъ
лицъ.

Прямо передъ окнами — свѣтлый и упорный —
Каждому прохожему бросалъ лучи фонарь.
И въ дождливой сѣти — не бѣлой, не черной —
Каждый скрывался — не молодъ и не старъ.

Были, какъ видѣнья неживой столицы, —
Случайно, нечаянно вступающіе въ лучъ.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкія, покорныя унынью низкихъ тучъ.

И — нежданно рѣзко — раздались проклятья,
Будто разсѣкая полосу дождя:
Съ головой открытой — кто то въ красномъ платьѣ
Поднималъ на воздухъ малое дитя . . .

Свѣтлый и упорный, лучъ упалъ безсмѣнный —
И мгновенно женщина, ночныхъ веселій дочь,
Бѣшено ударилась головой о стѣну,
Съ крикомъ изступленья, уронивъ ребенка въ
ночь . . .

И столпились сѣрыя видѣнья мокрой скуки.
Кто то громко ахалъ, качая головой.
А она лежала на спинѣ, раскинувъ руки,
Въ грязно-красномъ платьѣ, на кровавой мостовой.

Но изъ глазъ открытыхъ — взоръ упорно-дерзкій
Все искалъ кого-то въ верхнихъ этажахъ . . .
И нашелъ — и встрѣтился въ окнѣ у занавѣски
Съ взоромъ темной женщины въ узорныхъ кру-
жевахъ.

Встрѣтились и замерли въ беззвучномъ воплѣ
взоры,
И мгновенье длилось . . . Улица ждала . . .
Но черезъ мгновенье на верху упали шторы,
А внизу — въ глазахъ открытыхъ — сила умерла..

Умерла — и вновь въ дождливой сѣти тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто то поднялъ на руки кричащаго ребенка
И, крестясь, украдкой утиралъ глаза . . .

Но вверху сомнительно молчали стекла оконъ.
Плотно-бѣлый занавѣсъ пустѣлъ въ сѣтяхъ дождя.
Кто то гладилъ бережно ребенку мокрый локонъ.
Уходилъ тихонько. И плакалъ, уходя.

*

Иду — и все мимолетно.
Вечерѣетъ — и газъ зажгли.
Музыка ведетъ безповоротно,
Куда глядятъ глаза мои.

Они глядятъ въ подворотни,
Гдѣ шарманщикъ вздыхалъ надъ тѣнью своей...
Не встрѣчу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно
Можетъ быть, слишкомъ упорно еще...
И — внезапно — тѣнью гадательной —
Вольная дѣва въ огненномъ плащѣ! . .

Въ огненномъ! Выйди за поворотъ:
На глазахъ твоихъ повязка лежитъ еще...
И она тебя кольцомъ неразлучнымъ сожметъ
Въ змѣиномъ логовищѣ.

*

ПѢСЕНКА

Она поетъ въ печной трубѣ.
Ея веселый голосъ тонокъ.
Мгла опочила на тебѣ.
За дверью плачетъ твой ребенокъ.

Весна, весна! Какъ воздухъ пустъ!
Какъ вечеръ непомѣрно скуденъ!
Вонъ — тощей вербы голый кустъ —
Унылый призракъ долгихъ буденъ.

Вотъ вечеръ кутаетъ окно
Сплошными бѣлыми тѣнями.
Мое лицо освѣщено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотрѣть въ упоръ,
Въ душѣ — бездумность и безпечность!
Тамъ — вихремъ разметенъ костеръ,
Но искры улетѣли въ вѣчность . . .

Глаза горятъ, какъ двѣ свѣчи.
О чемъ она тоскуетъ звонко?
Поймемъ. Не то пронзятъ ребенка
Безумныхъ глазъ твоихъ мечи.

*

ЛЕГЕНДА

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко въ синевѣ.
На глухую улицу въ полночь вышли
Веселыя дѣвушки. Было — двѣ.

Но Третій за ними — за ними слѣдомъ
Мелькалъ, неслышный, въ лучѣ фонаря.
Онъ былъ невѣдомъ . . . одной невѣдомъ:
Ей казалось . . . казалось, близка заря.

Но синѣй и синѣе полночь мерцала,
Тая, млѣя, сгорая полношумной весной.
И одна сказала . . . Ты слышишь? — сказала:
— О, какъ страшно, подруга . . . быть съ тобой.

И была эта дѣвушка въ бѣломъ . . . въ бѣломъ,
А другая — въ черномъ . . . Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабенькимъ тѣломъ,
А другая — смѣялась, бѣжала въ ночь . . .

Ты слышишь, Господи? Сжалься! О, сжалься!
Другая, смѣясь, убѣжала прочь . . .
И на улицѣ мертвой, пустынной остались . . .
Остались . . . Третій, она и ночь.

Но, казалось, близко . . . Казалось, близко
Трепетно бродитъ, чуть бѣлѣетъ заря . . .
Но синій пологъ упалъ такъ низко
И задернулъ послѣдній свѣтъ фонаря.

Былъ синій пологъ. Былъ сумракъ дологъ.
И ночь прошла мимо нихъ, пьяна.
И когда въ травѣ заблестѣлъ осколокъ,
Она осталась совсѣмъ одна.

И первыхъ лучей протянулись нити,
И слабыя руки схватили нить . . .
Но ужъ городъ, гудя чредою событій,
Гдѣ-то тамъ, далеко, началъ жить . . .

Былъ любовный напитокъ — въ красной пачкѣ
кредитокъ,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу далъ непомѣрный избытокъ,
И отравленной пыли полетѣли столбы.

Подходили сосѣди и шептались докучно.
Дымно-сизый старикъ оперся на костыль —
И кругомъ стало душно... А въ поляхъ одно-
звучно
Хохоталъ Невидимка — и разбрасывалъ пыль.

Въ этомъ огненномъ смерчѣ обняла она
крѣпче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь . . .
Боже Правый! Содѣлай, чтобы твердь стала
легче!
Отврати Твой разящій и карающій мечъ!

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангелъ съ убѣленной рукой:
Всѣмъ казалось — Онъ вышелъ изъ маленькой
лавки,
И казалось, что былъ Онъ — перепачканъ мукой ...

Но ужъ твердь разрывало. И земля отдыхала.
Подъ дождемъ умолкала пѣсня дальнихъ колесъ...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангелъ бѣлую дѣвушку въ Домъ Свой унесъ.

*

Я вамъ повѣдалъ неземное.
Я все сковалъ въ воздушной мглѣ.
Въ ладьѣ — топоръ. Въ мечтѣ — герои.
Такъ я причаливалъ къ землѣ.

Скамья ладьи красна отъ крови
Моей растерзанной мечты,
Но въ каждомъ домѣ, въ каждомъ кровѣ
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши дѣвы слѣпы,
У юношей безогненъ взоръ.
Назадъ! Во мглу! Въ глухіе склепы!
Вамъ нуженъ бичъ, а не топоръ!

И скоро я разстанусь съ вами,
И вы увидите меня
Вонъ тамъ, за дымными горами,
Летящимъ въ облакѣ огня!

*

НЕВИДИМКА

Веселье въ ночномъ кабакѣ.
Надъ городомъ синяя дымка.
Подъ красной зарей вдалекѣ
Гуляетъ въ поляхъ Невидимка.

Танцуетъ надъ топью болотъ,
Кольцомъ окружающихъ домы,
Протяжно зоветъ и поетъ
На голосъ, на голосъ знакомый.

Вамъ сладко вздыхать о любви,
Слѣпыя, продажныя твари?
Кто небо запачкалъ въ крови?
Кто вывѣсилъ красный фонарикъ?

И воетъ, какъ брошенный песъ,
Мяучитъ, какъ сладкая кошка,
Пучки вечерѣющихъ розъ
Швыряетъ блудницамъ въ окошко . . .

И ломится въ черный притонъ
Ватага веселыхъ и пьяныхъ,
И каждый во мглу увлеченъ
Толпой проститутокъ румяныхъ . . .

Въ тѣни гробовой фонари,
Смолкаетъ надъ городомъ грохотъ . . .
На красной полоскѣ зари
Беззвучный качается хохотъ . . .

Вечерняя надпись пьяна
Надъ дверью отворенной въ лавку . . .
Вмѣшалась въ безумную давку
Съ расплеснутой чашей вина
На Звѣрѣ Багряномъ — Жена.

*

МИТИНГЪ

Онъ говорилъ умно и рѣзко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и безъ блеска
Слѣпые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
Отъ многихъ тысячъ глазъ,
И онъ не чувствовалъ, что скоро
Пробьетъ послѣднiй часъ.

Его движенья были вѣрны,
И голосъ былъ суровъ,
И борода качалась мѣрно
Въ тактъ запыленныхъ словъ.

И сѣрый, какъ ночные своды,
Онъ зналъ всему предѣлъ.
Цѣпями тягостной свободы
Увѣренно гремѣлъ.

Но тѣ, внизу, не понимали
Ни чиселъ, ни именъ,
И знакомъ долга и печали
Никто не заклейменъ.

И тихій ропотъ поднялъ руку,
    И дрогнули огни.
Пронесся шумъ, подобный звуку
    Упавшей головни.

Какъ-будто свѣтъ изъ мрака брызнулъ,
    Какъ будто былъ намекъ . . .
Толпа проснулась. Дико взвизгнулъ
    Пронзительный свистокъ.

И въ звоны стеколъ перебитыхъ
    Ворвался стонъ глухой,
И человѣкъ упалъ на плиты
    Съ разбитой головой.

Не знаю, кто ударомъ камня
    Убилъ его въ толпѣ,
И струйка крови, помню ясно,
    Осталась на столбѣ.

Еще свистки ломали воздухъ,
    И крикъ еще стоялъ,
А онъ ужъ легъ на вѣчный отдыхъ
    У входа въ шумный залъ . . .

Но огонекъ блеснулъ у входа . . .
    Другіе огоньки . . .
И звонко брякнули у свода
    Взведенные курки.

И промелькнуло въ бѣгломъ свѣтѣ,
    Какъ человѣкъ лежалъ,
И какъ солдатъ ружье надъ мертвымъ
    На перевѣсъ держалъ.

Черты лица блѣднѣй казались
    Отъ черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
    И строились въ ряды.

И въ тишинѣ, внезапно вставшей,
    Былъ свѣтелъ кругъ лица,
Былъ тихій Ангелъ пролетавшій,
    И радость — безъ конца.

И были строги и спокойны
    Открытые врачки,
Надъ ними вытянулись стройно
    Блестящіе штыки.

Какъ будто, спрятанный у входа
    За черной пастью дулъ,
Ночнымъ дыханіемъ свободы
    Увѣренно вздохнулъ.

*

Вися надъ городомъ всемiрнымъ,
Въ пыли прошедшей заточенъ,
Еще монарха въ утрѣ лирномъ
Самодержавный клонитъ сонъ.

И предокъ царственно-чугунный
Все такъ же бредитъ на змѣѣ,
И голосъ черни многострунный
Еще не властенъ на Невѣ.

Уже на домахъ вѣютъ флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слѣпы темные дворцы.

И, если ликъ свободы явленъ,
То прежде явленъ ликъ змѣи,
И ни одинъ суставъ не сдавленъ
Сверкнувшихъ колецъ чешуи.

18 окт. 1905 г.

*

Еще прекрасно сѣрое небо,
Еще безнадежна сѣрая даль.
Еще несчастныхъ, просящихъ хлѣба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И надъ заливами голосъ черни
Пропалъ, развѣялся въ невскомъ снѣ.
И дикіе вопли: Свергни! О, свергни!
Не будятъ жалости въ сонной волнѣ . . .

И въ небѣ сѣромъ холодные свѣты
Одѣли Зимній Дворецъ царя.
И латникъ въ черномъ[1] не дастъ отвѣта,
Пока не застигнетъ его заря.

Тогда, алѣя надъ водной бездной,
Пусть онъ угрюмѣй опуститъ мечъ,
Чтобъ съ дикой чернью въ борьбѣ безполезной
За древнюю сказку мертвымъ лечь . . .

18 окт. 1905 г.

*

[1] Статуя на кровлѣ Зимняго Дворца.

Ты проходишь безъ улыбки,
Опустившая рѣсницы,
И во меракѣ надъ соборомъ
Золотятся купола.

Какъ лицо твое похоже
На вечернихъ Богородицъ,
Опускающихъ рѣсницы,
Пропадающихъ во мглѣ . . .

Но съ тобой идетъ кудрявый
Кроткій мальчикъ въ бѣлой шапкѣ,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою въ тѣни портала,
Тамъ, гдѣ дуетъ рѣзкій вѣтеръ,
Застилающій слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: — Богоматерь!
— Для чего въ мой черный городъ
— Ты Младенца привела?

Но языкъ безсиленъ крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Надъ священными слѣдами
Почиваетъ синій мракъ.

И смотрю я, вспоминая,
Какъ опущены рѣсницы,
Какъ твой мальчикъ въ бѣлой шапкѣ
Улыбнулся на тебя.

*

ПЕРСТЕНЬ — СТРАДАНЬЕ

Шелъ я по улицѣ, горемъ убитый.
Юность моя, какъ печальная ночь,
Блѣднымъ лучомъ упадала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькія думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлегъ,
И пропадали средь уличныхъ далей,
За вереницей зловонныхъ телѣгъ.

Господи Боже! Ужъ утро клубится.
Гдѣ, да и какъ этотъ день проживу? . .
Узкія окна. За ними — дѣвица.
Тонкіе пальцы легли на канву.

Локоны пали на нѣжныя ткани —
Вѣрно, работала ночь напролетъ . . .
Щеки блѣдны отъ безсонныхъ мечтаній,
И замирающій голосъ поетъ:

«Что я съумѣла, когда полюбила?
«Бросила мать и ушла отъ отца . . .
«Вотъ я съ тобою, мой милый, мой милый . . .
«Перстень — Страданье намъ свяжетъ сердца.

«Что я могу? Своей алой кровью
«Нѣжность мою для тебя украшать . . .
«Вѣрностью женской, вѣчной любовью
«Перстень — Страданье тебѣ сковать».

*

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
Въ разгарѣ дѣвственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли бѣлые цвѣты.

И вотъ — въ столовыхъ и гостиныхъ,
Надъ грудой рюмокъ, дамъ, старухъ,
Надъ скукой ихъ обѣдовъ чинныхъ —
Свѣтъ электрическій потухъ.

Къ чему то вносятъ, ставятъ свѣчи,
На лицахъ — желтые круги,
Шипятъ пергаментныя рѣчи,
Съ трудомъ шевелятся мозги.

Такъ — негодуетъ все, что сыто,
Тоскуетъ сытость важныхъ чревъ:
Вѣдь опрокинуто корыто,
Встревоженъ ихъ прогнившій хлѣбъ!

Теперь имъ выпалъ скудный жребій:
Ихъ домъ стоитъ неосвѣщенъ,
И жгутъ имъ слухъ мольбы о хлѣбѣ
И красный смѣхъ чужихъ знаменъ!

Пусть доживутъ свой вѣкъ привычно —
Намъ жаль ихъ сытость разрушать.
Лишь чистымъ дѣтямъ — неприлично
Ихъ старой скукѣ подражать.

*

Лазурью блѣдной мѣсяцъ плылъ
Изогнутымъ перстомъ.
У всѣхъ, къ кому я приходилъ,
Былъ алый ротъ крестомъ.

Оскалъ зубовъ являлъ печаль,
И за вѣнцомъ волосъ
Качалась мѣрно комнатъ даль,
Гдѣ властвовалъ хаосъ.

У женщинъ взоръ былъ тусклъ и тупъ,
И страшенъ былъ ихъ взоръ:
Я зналъ, что судороги губъ
Открыли ихъ позоръ,

Что пили ночь и забытье,
Но день ихъ опалилъ . . .
Какъ страшно мирное жилье
Для тѣхъ, кто измѣнилъ!

Имъ смутно помнились шаги,
Паденій тайный страхъ,
И плыли красные круги
Въ измученныхъ глазахъ.

Меня сжималъ, какъ змѣй, диванъ,
Пытливый гость — я зналъ,
Что комнатъ бархатный туманъ
Мнѣ душу отравлялъ.

Но, душу нѣжную губя,
Въ себя вонзая ножъ,
Я въ мукахъ узнавалъ тебя,
Блистательная ложь!

О, запахъ пламенный духовъ!
О, шелестящій мигъ!
О, рѣчи маговъ и волхвовъ!
Пергаментъ желтыхъ книгъ!

Ты, безъимянная! Волхва
Невѣдомая дочь!
Ты нашептала мнѣ слова,
Свивающія ночь!

*

Твое лицо блѣднѣй, чѣмъ было
Въ тотъ день, когда я подалъ знакъ,
Когда, замедливъ, торопила
Ты легкій, предвечерній шагъ.

Вотъ я стою, всему покорный,
У немерцающей стѣны.
Что сердце? Свитокъ чудотворный,
Гдѣ страсть и горе сочтены!

Повѣрь, мы оба небо знали:
Звѣздой кровавой ты текла,
Я измѣрялъ твой путь въ печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньемъ несказаннымъ
Одну и ту же высоту
И вмѣстѣ пали за туманомъ,
Чертя уклонную черту.

Но я нашелъ тебя и встрѣтилъ
Въ неосвѣщенныхъ воротахъ,
И этотъ взоръ — не меньше свѣтелъ,
Чѣмъ былъ въ туманныхъ высотахъ!

Комета! Я прочелъ въ свѣтилахъ
Всю повѣсть раннюю твою,
И лживый блескъ созвѣздій милыхъ
Подъ чернымъ шелкомъ узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь въ тѣни, какъ тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейфъ влачишь, какъ та звѣзда!

Не медли, въ темныхъ тѣняхъ кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкій поясъ —
Сужденный магу млечный путь.

*

НЕЗНАКОМКА

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И правитъ окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.

Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загородныхъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается дѣтскій плачъ.

И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.

Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ, ко всему пріученный,
Безсмысленно кривится дискъ.

И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отраженъ
И влагой терпкой и таинственной,
Какъ я, смиренъ и оглушенъ.

А рядомъ у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы съ глазами кроликовъ
«In vino veritas!» кричатъ.

И каждый вечеръ, въ часъ назначенный,
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ, шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.

И медленно, пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.

Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу,
И очи синія бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.

Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

Озерки / Апрѣль 1906.

*

Тамъ дамы щеголяютъ модами,
Тамъ всякій лицеистъ остеръ —
Надъ скукой дачъ, надъ огородами,
Надъ пылью солнечныхъ озеръ.

Туда манитъ перстами алыми
И дачниковъ волнуетъ зря
Надъ запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Тамъ, гдѣ скучаю такъ мучительно,
Ко мнѣ приходитъ иногда
Она — безстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сномъ привычной суеты
Сквозитъ вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкія черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звѣздой,
И оглушенный и взволнованный
Виномъ, зарею и тобой?

Вздыхая древними повѣрьями,
Шелками черными шумна,
Подъ шлемомъ съ траурными перьями
И ты виномъ оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что дѣлать мнѣ съ тобой —
Недостижимой и единственной,
Какъ вечеръ дымно-голубой?

*

Передвечернею порою
Сходилъ я въ сумерки съ горы,
И вотъ передо мной — за мглою —
Черты печальныя сестры.

Она идетъ неслышнымъ шагомъ,
За нею шевелится мгла,
И по долинамъ, по оврагамъ
Вздыхаютъ груди безъ числа.

— Сестра, откуда въ дождь и холодъ
— Идешь съ печальною толпой,
— Кого бичами выгналъ голодъ
— Въ могилы жизни кочевой?

Вотъ подошла, остановилась
И факелъ подняла во мглѣ,
И тихимъ свѣтомъ озарилось
Все, что незримо на землѣ.

И тамъ, въ канавахъ придорожныхъ,
Я, содрогаясь, разглядѣлъ
Черты мученій невозможныхъ
И корчи ослабѣвшихъ тѣлъ.

И вновь опущенъ факелъ душный,
И, улыбаясь мнѣ, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Какъ окружающая мгла.

Но я запомнилъ эти лица
И тишину пустыхъ орбитъ,
И обреченныхъ вереница
Передо мной всегда стоитъ.

*

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встрѣтились съ тобою въ храмѣ
И жили въ радостномъ саду,
Но вотъ зловонными дворами
Пошли къ проклятью и труду.

Мы миновали всѣ ворота
И въ каждомъ видѣли окнѣ,
Какъ тяжело лежитъ работа
На каждой согнутой спинѣ.

И вотъ пошли туда, гдѣ будемъ
Мы жить подъ низкимъ потолкомъ,
Гдѣ прокляли другъ друга люди,
Убитые своимъ трудомъ.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла межъ спящихъ на полу;
Но самый сонъ ихъ былъ проклятье,
Вонъ тамъ — въ заплеванномъ углу . . .

Ты обернулась, заглянула
Довѣрчиво въ мои глаза . . .
И на щекѣ моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нѣтъ! Счастье — праздная забота,
Вѣдь молодость давно прошла.
Намъ скоротаетъ вѣкъ работа,
Мнѣ — молотокъ, тебѣ — игла.

Сиди, да шей, смотри въ окошко,
Людей повсюду гонитъ трудъ,
А тѣ, кому труднѣй немножко,
Тѣ пѣсни длинныя поютъ.

Я близъ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мнѣ,
Что я увидѣлъ дно стакана,
Топя отчаянье въ винѣ.

*

ВЪ ОКТЯБРѢ

Открылъ окно. Какая хмурая
    Столица въ октябрѣ!
Забитая лошадка бурая
    Гуляетъ на дворѣ.

Снѣжинка легкою пушинкою
    Порхаетъ на вѣтру,
И елка слабенькой вершинкою
    Мотаетъ на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
    Прошла моя пора.
Вонъ — мальчикъ, посинѣвъ отъ холода,
    Дрожитъ среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
    И будетъ, какъ всегда:
Лошадкѣ и мальчишкѣ малому
    Не сладки холода.

Да и меня безъ всякихъ поводовъ
    Загнали на чердакъ.
Никто моихъ не слушалъ доводовъ,
    И вышелъ мой табакъ.

А все хочу свободной волею
Свободнаго житья,
Хоть нѣтъ звѣзды счастливой болѣе
Съ тѣхъ поръ, какъ запилъ я!

Давно звѣзда въ стаканъ мой канула, —
Ужели навсегда? . . .
И вотъ душа опять воспрянула:
Со мной моя звѣзда!

Вотъ, вотъ — въ глазахъ плыветъ манящая,
Качается въ окнѣ . . .
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будутъ мнѣ!

И даже все мое имущество
Съ собою захвачу!
Позналъ, позналъ свое могущество! . .
Вотъ вскрикнулъ . . . и лечу!

Лечу, лечу къ мальчишкѣ малому,
Средь вихря и огня . . .
Все, все по старому, бывалому,
Да только — безъ меня!

*

Къ вечеру вышло тихое солнце,
И вѣтеръ понесъ дымки изъ трубъ.
Хорошо прислониться къ дверному косяку
Послѣ ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будетъ еще,
Но никогда не перестанетъ радоваться сердце
Тихою радостью
О томъ, что вы придете,
Сядете на этомъ старомъ диванѣ
И скажете простыя слова
При тихомъ вечернемъ солнцѣ,
Послѣ моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платокъ.

*

Ночь. Городъ угомонился.
За большимъ окномъ
Тихо и торжественно,
Какъ будто человѣкъ умираетъ.

Но тамъ стоитъ просто грустный,
Разстроенный неудачей,
Съ открытымъ воротомъ,
И смотритъ на звѣзды.

— Звѣзды, звѣзды,
— Разскажите причину грусти!

И на звѣзды смотритъ.

— Звѣзды, звѣзды,
— Откуда такая тоска?

И звѣзды разсказываютъ.
Все разсказываютъ звѣзды.

*

Я въ четырехъ стѣнахъ — убитый
Земной заботой и нуждой.
А въ небѣ — золотомъ расшитый
Нарядъ блѣднѣетъ голубой.

Какъ сладко, и свѣтло, и больно,
Мой голубой, далекій братъ!
Душа въ слезахъ, — она довольна
И благодарна за нарядъ.

Она — такой же голубою
Могла бы стать, какъ въ небѣ — ты,
Не удрученный тяготою
Духъ глубины и высоты.

Но и въ стѣнахъ — моя отрада
Лазурію твоей горѣть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мнѣ умереть . . .

И въ блѣдномъ небѣ — тихимъ дымомъ
Голубоватый духъ пѣвца
Смѣшается съ тобой, родимымъ,
На лонѣ Строгаго Отца.

*

ОКНА ВО ДВОРЪ

Одна мнѣ осталась надежда:
Смотрѣться въ колодезь двора.
Свѣтаетъ. Бѣлѣетъ одежда
Въ разсѣянномъ свѣтѣ утра.

Я слышу — старинныя рѣчи
Проснулись глубоко на днѣ.
Вонъ теплятся желтыя свѣчи,
Забытыя въ чьемъ-то окнѣ.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утреннихъ крышъ.
Заплакать — одно мнѣ осталось,
И слушать, какъ мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улицѣ тихо,
И я умираю съ тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится въ виски . . .

Эй, малый, взгляни мнѣ въ оконце! . .
Да нѣтъ, не заглянешь — пройдешь . . .
Совсѣмъ я на зимнее солнце,
На глупое солнце похожъ.

*

Хожу, брожу понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ . . .

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ — весна.

А мнѣ — какое дѣло?
Брожу одинъ, забытъ.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучитъ.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ, въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмуривъ брови,
Ей въ сотый передамъ,
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ.

Опять намъ будетъ сладко,
И тихо, и тепло . . .
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло . . .

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводитъ
Веселенькую нить?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ!
Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ . . .

Лицо мое бѣлѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна . . .
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она . . .

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять . . .
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

*

ПОЖАРЪ

Понеслись, блеснули въ очи
    Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
    Городскіе мотыльки.

Зданье дымомъ затянуло,
    Толпы темныя текутъ . . .
Но вдали несутся гулы,
    Свѣты новые бѣгутъ . . .

Крики брошены горстями
    Золотыхъ монетъ.
Надъ вспѣненными конями
    Факелъ стелетъ красный свѣтъ.

И, крутя живыя спицы,
    Мчатся вихремъ колесницы,
Впередъ — скакунъ съ трубой
    Надъ испуганной толпой.

Скокъ по камню тяжко звонокъ,
Голосъ хриплой мѣди тонокъ,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы рѣка.

На блистательные шлемы
Каплетъ снѣжная роса . . .
Дѣти ночи черной — гдѣ мы? . . .
Чьи взываютъ голоса? . .

Нѣтъ, опять погаснутъ зданья,
Нѣтъ, опять онъ обманулъ, —
Отдаленнаго возстанья
Надвигающійся гулъ . . .

*

На сѣрые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Гдѣ храмы подъяты и выступы круты, —

Я видѣлъ васъ, женщины въ темныхъ одеждахъ,
Съ молитвой въ глазахъ и съ измѣной въ надеждахъ —
О, женщины помнятъ такія минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимыя тѣнью,
Сіяя очами, сливаясь съ тѣнями . . .

О, городъ! О, вѣтеръ! О, снѣжныя бури!
О, бездна разорванной въ клочья лазури!
Я здѣсь! Я невиненъ! Я съ вами! Я съ вами!

*

Ты смотришь въ очи яснымъ зорямъ,
А городъ ставитъ огоньки,
И въ переулкахъ пахнетъ моремъ,
Поютъ фабричные гудки.

И въ суетѣ непобѣдимой
Душа туманамъ предана . . .
Вотъ красный плащъ, летящій мимо,
Вотъ женскій голосъ, какъ струна.

И помыслы твои не смѣлы,
Какъ складки современныхъ ризъ . . .
И женщины рѣсницы-стрѣлы,
Такъ часто опускаютъ внизъ.

Кого ты въ скользкой мглѣ замѣтилъ?
Чьи окна свѣтятъ сквозь туманъ?
Здѣсь ресторанъ, какъ храмы, свѣтелъ,
И храмъ открытъ, какъ ресторанъ . . .

На безъисходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дѣвъ, и рестораны
Погаснутъ всѣ — въ урочный часъ.

*

НА ЧЕРДАКѢ

Что на свѣтѣ выше
Свѣтлыхъ чердаковъ?
Вижу трубы, крыши
Дальнихъ кабаковъ.

Путь туда заказанъ,
И на что — теперь?
Вотъ — я съ ней лишь связанъ . . .
Вотъ — закрыта дверь . . .

А она не слышитъ —
Слышитъ — не глядитъ,
Тихая — не дышитъ,
Бѣлая — молчитъ . . .

Ужъ не проситъ кушать . . .
Вѣтеръ свищетъ въ щель.
Какъ мнѣ любо слушать
Вьюжную свирѣль!

Вѣтеръ, снѣжный сѣверъ,
Давній другъ ты мнѣ!
Подари ты вѣеръ
Молодой женѣ!

Подари ей платье
Бѣлое, какъ ты!
Нанеси въ кровать ей
Снѣжные цвѣты!

Ты дарилъ мнѣ горе,
Тучи, да снѣга . . .
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтобъ была нарядна
И, какъ снѣгъ, бѣла!
Чтобъ глядѣлъ я жадно
Изъ того угла! . .

Слаще пой ты, вьюга,
Въ снѣжную трубу,
Чтобъ спала подруга
Въ ледяномъ гробу!

Чтобъ она не встала,
Не скрипи доска . . .
Чтобъ не испугала
Милаго дружка!

*

КЛЕОПАТРА

Открытъ паноптикумъ печальный
Одинъ, другой и третій годъ.
Толпою пьяной и нахальной
Спѣшимъ . . . Въ гробу царица ждетъ.

Она лежитъ въ гробу стеклянномъ,
И не мертва и не жива,
А люди шепчутъ неустанно
О ней безстыдныя слова.

Она раскинулась лѣниво —
Навѣкъ забыть, навѣкъ уснуть . . .
Змѣя легко, неторопливо
Ей жалитъ восковую грудь . . .

Я самъ, позорный и продажный,
Съ кругами синими у глазъ,
Пришелъ взглянуть на профиль важный,
На воскъ, открытый напоказъ . . .

Тебя разсматриваетъ каждый,
Но, еслибъ гробъ твой не былъ пустъ,
Я услыхалъ бы не однажды
Надменный вздохъ истлѣвшихъ устъ:

— Кадите мнѣ. Цвѣты разсыпьте.
Я въ незапамятныхъ вѣкахъ
Была царицею въ Египтѣ.
Теперь — я воскъ. Я тлѣнъ. Я прахъ.

— Царица! Я плѣненъ тобою!
Я былъ въ Египтѣ лишь рабомъ,
А нынѣ суждено судьбою
Мнѣ быть поэтомъ и царемъ!

— Ты видишь ли теперь изъ гроба,
Что Русь, какъ Римъ, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будемъ оба
Въ вѣкахъ равны передъ судьбой?

Замолкъ. Смотрю. Она не слышитъ.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышитъ . . .
И слышу тихія слова:

— Тогда я исторгала грозы.
— Теперь исторгну жгучѣй всѣхъ
— У пьянаго поэта — слезы,
— У пьяной проститутки — смѣхъ.

*

НЕ ПРИШЕЛЪ НА СВИДАНЬЕ

Позднимъ вечеромъ ждала
У кисейнаго окна
Вплоть до ранняго утра.

Нѣту милаго — ушла.
Нѣту милаго — одна.
Даль мутна, свѣтла, сыра.

Занавѣсила окно,
Засвѣтила огонекъ,
Наклонилась надъ столомъ . . .

Загляни еще въ окно!
Загляни еще разокъ!
Загляни однимъ глазкомъ!

Льется, льется холодокъ.
Догораетъ огонекъ.
— Какъ онъ въ губы цѣловалъ . . .
— Какъ невѣстой называлъ . . .

Рано, холодно, свѣтло.
Вѣтеръ ломится въ стекло.

Посмотри однимъ глазкомъ,
Что тамъ съ миленькимъ дружкомъ? . .

Бѣлый саванъ — снѣжный платъ.
А подъ платомъ — голова . . .
Тяжело проспать въ гробу.

Ноги вытянулись врядъ . . .
Протянулись рукава . . .
Вѣтеръ ломится въ трубу . . .

Выйди, выйди изъ воротъ . . .
Лейся, лейся, ранній свѣтъ,
Бѣлый саванъ, распухай . . .

Приподымешь бѣлый край —
И сомнѣній больше нѣтъ:
Провалился мертвый ротъ.

Ревель

*

СНѢЖНАЯ МАСКА

Посвящается Н. Н. В.

СНѢГА

СНѢЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнувъ изъ чаши винной,
Ты поселила въ сердцѣ страхъ
Своей улыбкою невинной
Въ тяжелозмѣйныхъ волосахъ.

Я опрокинутъ въ темныхъ струяхъ
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сонъ о поцѣлуяхъ,
О снѣжныхъ вьюгахъ вкругъ тебя.

И ты смѣешься дивнымъ смѣхомъ,
Змѣишься въ чашѣ золотой,
И надъ твоимъ собольимъ мѣхомъ
Гуляетъ вѣтеръ голубой.

И какъ, глядясь въ живыя струи,
Не увидать себя въ вѣнцѣ?
Твои не вспомнить поцѣлуи
На запрокинутомъ лицѣ?

*

СНѢЖНАЯ ВЯЗЬ

Снѣжная мгла́ взвилась.
Легли сугробы кругомъ.

Да. Я съ тобой незнакомъ.
Ты — стиховъ моихъ плѣнная вязь.

И тайно сплетая вязь,
Нити снѣжныя тку и плету.

Ты не первая мнѣ предалась
На темномъ мосту.

Здѣсь — электрическій свѣтъ.
Тамъ — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебѣ дверей.
Нѣтъ.
Никогда.

И снѣжныя брызги влача за собой,
Мы летимъ въ милліоны безднъ . . .
Ты смотришь все той же плѣнной душой
Въ куполъ все тотъ же — звѣздный . . .

И смотришь въ печали,
И снѣгъ синѣй . . .

Темныя дали,
И блистательный бѣгъ саней . . .

И когда со мной встрѣчаются
Неизбѣжные глаза, —

Глуби снѣжныя вскрываются,
Приближаются уста . . .

Вышина. Глубина. Снѣговая тишь.
И ты молчишь.
И въ душѣ твоей безнадежной
Та же легкая, плѣнная грусть.

О, стихи зимы среброснѣжной!
Я читаю васъ наизусть.

*

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ

Въ снѣжной пѣнѣ — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Тамъ, гдѣ въ дали невозвратныя
Повернули корабли.

Не видать ни мачтъ, ни паруса,
Что манилъ отъ снѣжныхъ мѣстъ,
И на дальнемъ храмѣ безрадостно
Догорѣлъ послѣдній крестъ.

И на этотъ путь оснѣженный,
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безъотзывное поймешь.

Ты услышишь съ бѣлой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущій издали
Зовъ закованной въ снѣга.

*

НА СТРАЖѢ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Онъ — простертъ надъ бездной водной
Съ подъятой къ небесамъ трубой.

Онъ видитъ всѣ мои измѣны,
Онъ исчисляетъ всѣ дѣла.
И за грядой туманной пѣны
Его труба всегда свѣтла.

И, опустившій мечъ на струи,
Онъ не смежитъ упорный взоръ.
Онъ стережетъ всѣ поцѣлуи,
Паденья, клятвы и позоръ.

И Онъ потребуетъ отвѣта,
Подъемля засвѣтлѣвшій мечъ.
И канетъ темная комета
Въ пучины новыхъ темныхъ встрѣчъ.

*

ВТОРОЕ КРЕЩЕНЬЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И въ новой снѣговой купели
Крещенъ вторымъ крещеньемъ я.

И въ новый міръ вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дѣла.
Что путь открытъ навѣрно къ раю
Всѣмъ, кто идетъ путями зла.

Я такъ усталъ отъ ласкъ подруги
На застывающей землѣ.
И драгоцѣнный камень вьюги
Сверкаетъ льдиной на челѣ.

И гордость новаго крещенья
Мнѣ сердце обратила въ ледъ.
Ты мнѣ сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придетъ?

Но посмотри, какъ сердце радо!
Заграждена снѣгами твердь.
Весны не будетъ, и не надо:
Крещеньемъ третьимъ будетъ — Смерть.

*

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЬЮ

Вьюга пѣла.
И кололи снѣжныя иглы.
И душа леденѣла.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову въ высь.
Ты сказала: — Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь.

И указала на дальнія города линіи,
На поля снѣговыя и синія,
На безцѣльный холодъ.

И снѣжныхъ вихрей подъятый молотъ
Бросилъ насъ въ бездну, гдѣ искры неслись,
Гдѣ снѣжинки пугливо вились . . .

Какія-то искры,
Какихъ-то снѣжинокъ невѣрный полетъ . . .
Какъ быстро — такъ быстро
Ты надо мной
Опрокинула сводъ
Голубой . . .

Метель взвилась,
Звѣзда сорвалась,
За ней — другая . . .
И звѣзда за звѣздой
    Понеслась,
    Открывая
Вихрямъ звѣзднымъ
Новыя бездны.

Въ небѣ вспыхнули темныя очи
Такъ ясно!
И я позабылъ примѣты
Страны прекрасной —
Въ блескѣ твоемъ, комета!
Въ блескѣ твоемъ, среброснѣжная ночь!

И неслись опустошающіе
Непомѣрные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредетъ за дальнимъ полюсомъ
Солнце сердца моего,
Льдянымъ скованное поясомъ
Безначалья твоего.

Такъ взойди жъ въ морозномъ инеѣ,
Непомѣрный свѣтъ — заря!
Подними надъ далью синей
Жезлъ померкшаго царя!

*

НА ЗОВЪ МЕТЕЛЕЙ

Бѣлоснѣжнѣй не было зимъ
И перистѣй тучекъ.
Ты дала мнѣ въ руки
Серебряный ключикъ,
И владѣлъ я сердцемъ твоимъ.
Тихо всходилъ надъ городомъ дымъ.

Умирали звуки.
Бѣлые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплылъ серебряный серпъ.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущербъ.

Вѣтеръ взвихрилъ снѣга.
Закатился серпъ луны.
И пронзительнымъ взоромъ
Ты измѣрила даль страны,
Откуда звучали рога
Снѣжнымъ, метельнымъ хоромъ.

И мгла заломила руки,
Заломила руки въ высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстрѣчу вставали новые звуки:
Летѣли снѣга,
Звенѣли рога
Налетающей ночи.

*

ЕЯ ПѢСНИ

Не въ земной темницѣ душной
    Я гублю.
Душу ввѣрь ладьѣ воздушной —
    Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
    Что люблю.

Взоръ твой ясный къ выси звѣздной
    Обрати.
И въ рукѣ твой мечъ желѣзный
    Опусти.
Сердце съ дрожью безполезной
    Укроти.
Вихри снѣжные надъ бездной
    Закрути.

Рукавомъ моихъ метелей
    Задушу.
Серебромъ моихъ веселій
    Оглушу.
На воздушной карусели
    Закружу.
Пряжей спутанной кудели
    Обовью.
Легкой брагой снѣжныхъ хмелей
    Напою.

*

КРЫЛЬЯ

Крылья легкія раскину,
Стѣны воздуха раздвину,
Страны дольнія покину.

Вейтесь, искристыя нити,
Льдинки звѣздныя, плывите,
Вьюги дольнія, вздохните!

Въ сердцѣ — легкія тревоги,
Въ небѣ — звѣздныя дороги,
Среброснѣжные чертоги.

Сны метели свѣтлозмѣйной,
Пѣсни вьюги легковѣйной,
Очи дѣвы чародѣйной.

И какія-то печали
Издали,
И туманныя скрижали
Отъ земли.
И покинутые въ дали
Корабли.

И какіе-то за мысомъ
    Паруса.
И какіе-то надъ моремъ
    Голоса.

И расплеснутъ межъ мірами,
Надъ забытыми пирами —
Кубокъ долгой страстной ночи,
Кубокъ темнаго вина.

*

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкій сумракъ, влюбленность.
И опять: — «Навѣки. Опусти глаза твои».
И дней туманность, и ночная безсонность,
И вдали, въ волнахъ, вдали — пролетѣвшія ладьи.

И чему-то надъ равнинами снѣжными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осѣнившая крылами бѣлоснѣжными
На вѣчный покой отходящаго царя.

Ангелъ, гнѣвно брови изламывающій,
Два луча — два меча скрестилъ въ вышинѣ.
Но въ гнѣвахъ стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мнѣ.

*

НЕ НАДО

Не надо кораблей изъ дали,
Надъ мысомъ почиваетъ мракъ.
На снѣжносинемъ покрывалѣ
Читаю твой условный знакъ.

Твой голосъ слышенъ сквозь метели,
И звѣзды сыплютъ снѣжный прахъ.
Ладьи ночныя пролетѣли,
Ныряя въ ледяныхъ струяхъ.

И нѣтъ моей завиднѣй доли —
Въ снѣгахъ забвенья догорѣть,
И на прибрежномъ снѣжномъ полѣ
Подъ звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которымъ станъ твой окруженъ.
И не понять земного знака,
Чтобъ не нарушить снѣжный сонъ.

*

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкій шагъ
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подалъ знакъ,
Тайный знакъ рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серпъ застылъ . . .

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбилъ?

Надъ безкрайными снѣгами
Возлетимъ!
За туманными морями
Догоримъ!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мнѣ два крыла!

Чтобъ съ тобою, сердцу милой,
Въ серебристомъ лунномъ кругѣ
Вся душа изнемогла!

Чтобъ огонь зимы палящей
Сжегъ грозящій
Дальній крестъ!

Чтобъ летѣть стрѣлой звенящей
Въ пропасть черныхъ звѣздъ!

*

ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекутъ отъ сердца
Эту тѣнь.

И опять, остерегая,
Знакъ даютъ,
Чтобы медленный растаялъ
Въ кельѣ ледъ.

— Кто ты? Кто ты?
Скованъ дремой,
Пробудись!

Отъ дремоты
Незнакомой
Исцѣлись!

Мы — цѣлители истомы,
Нашей медленной заботѣ
Покорись!

Въ златоверхія хоромы,
Къ созидающей работѣ
Воротись!

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломалъ мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремавъ, служанка — ночь?

Стерегутъ мнѣ келью совы, —
Вамъ забвенью и потерѣ
Не помочь!

На груди — снѣговъ оковы,
Въ ледяной моей пещерѣ —
Вихрей сѣверная ночь!

Изъ очей ея крылатыхъ
Свѣтитъ мгла.
Трехвѣнечная тіара.
Вкругъ чела.
Золотистый уголь въ сердце
Мнѣ вожгла!

Трижды сѣверное солнце
Обошло подвластный міръ!
Трижды сѣверные фьорды
Знали тихій летъ ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пиръ!
Мнѣ — мое открыло сердце
Снѣжный мракъ ея очей!
Прочь лети, святая стая,
Къ старой двери
Умирающаго рая!
Стерегите, злые звѣри,
Чтобы ангеламъ самимъ
Не поднять меня крылами,

Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастіемъ своимъ!

У меня въ померкшей кельѣ —
Два меча.

У меня надъ ложемъ — знаки
Черныхъ дней.

И струитъ мое веселье
Два луча.

То горятъ и дремлютъ маки
Злыхъ очей.

*

И ОПЯТЬ СНѢГА

И опять, опять снѣга
Замели слѣды . . .

Надъ пустыней снѣжныхъ мѣстъ
Дремлютъ двѣ звѣзды.

И поютъ, поютъ рога.
Надъ парами злой воды
Вьюга строитъ бѣлый крестъ,
Разсыпаетъ снѣжный крестъ,
    Одинокій смерчъ.

И вдали, вдали, вдали,
Между небомъ и землей
    Веселится смерть.

И за тучей снѣговой
Задремали корабли —
Опрокинутые въ твердь
    Станы снѣжныхъ мачтъ.

И въ поляхъ гуляетъ смерть —
    Снѣговой трубачъ . . .

И вздымаетъ вьюга смерчъ,
Строитъ бѣлый, снѣжный крестъ,
    Заметаетъ твердь . . .

Разрушаетъ снѣжный крестъ
И бѣжитъ отъ снѣжныхъ мѣстъ . . .
    И опять глядится смерть
    Съ беззакатныхъ звѣздъ . . .

*

ГОЛОСА

(Двое проносятся въ сферѣ метелей)

Онъ

Нѣтъ исхода вьюгамъ пѣвучимъ!
Нѣтъ заката очамъ твоимъ звѣзднымъ!
Рукою подъятой къ тучамъ
Ты влечешь меня къ безднамъ!

Она

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столѣтья минутъ.
Земля остынетъ.
Луна опрокинетъ
Свой ликъ къ землѣ!

Онъ

Кто жребій мой вынетъ,
Тотъ опрокинутъ
Въ бездонной мглѣ!

Она

Оставь тревоги,
Метель въ дорогѣ
Тебя застигла.

Ласкаютъ вьюги,
Ты — въ лунномъ кругѣ,
Тебя пронзили снѣжныя иглы!

Онъ

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится въ бездны . . .
Ты гибели рада,
Дѣва пучины
Звѣздной!

Она

Я укачала
Царей и героевъ . . .
Слушай снѣга!
Изъ снѣжнаго зала,
Изъ надзвѣздныхъ покоевъ
Поютъ боевые рога!

Онъ

Мечъ мой желѣзный
Утонулъ въ серебряной вьюгѣ . . .
Гдѣ мечъ мой? Гдѣ мечъ мой?

Она

Внимай! Внимай! Я — вѣтеръ встрѣчный!
Мы — въ лунномъ кругѣ!
Мы — въ безднѣ звѣздной!

Онъ

Прости, отчизна!
Здравствуй, холодъ!
Отвори мнѣ застывшія руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молодъ, —
Разстанься съ дольнею жизнью!

Онъ

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Гдѣ ты, солнце?

(Вьюга вздымаетъ бѣлый крестъ)

*

ВЪ СНѢГАХЪ

И я затянутъ
Лентой млечной!
Тобой обманутъ,
    О, вѣчность!

Подо мной растянутъ
Въ дали безконечной
Твой узоръ, Безконечность,
    Темница міра!

Узкая лира,
Звѣзда богини,
Снѣжно стонетъ
Мнѣ.

И корабль закатный
Тонетъ
Въ нѣжно-синей
Глубинѣ.

*

МАСКИ

ПОДЪ МАСКАМИ

А подъ маской было звѣздно.
Улыбалась чья-то повѣсть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совѣсть,
Тихо плавая надъ бездной,
Уводила время прочь.

И въ рукахъ, когда-то строгихъ,
Былъ бокалъ стеклянныхъ влагъ.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шагъ.

И позвякивали миги,
И звенѣла влага въ сердцѣ,
И дразнилъ зеленый зайчикъ
Въ догорѣвшемъ хрусталѣ.

А въ шкапу дремали книги.
Тамъ — къ рѣзной старинной дверцѣ
Прилѣпился голый мальчикъ
На одномъ крылѣ.

*

БЛѢДНЫЯ СКАЗАНЬЯ

— Посмотри, подруга, эльфъ твой
Улетѣлъ!
— Посмотри, какъ быстролетны
Времена!

Такъ смѣется маска маскѣ,
Злая маска, къ маскѣ скромной
Обратясь:
— Посмотри, какъ темный рыцарь
Скажетъ сказки третьей маскѣ . . .

Темный рыцарь вкругъ дѣвицы
Заплетаетъ вязь.

Тихо шепчетъ маска маскѣ,
Злая маска — маскѣ скромной . . .
Третья — смущена . . .

И еще темнѣй — на темной
Завѣсѣ окна
Темный рыцарь — только мнится . .
И стрѣльчатыя рѣсницы
Опускаетъ маска внизъ.
Снится маскѣ, снится рыцарь . . .
— Темный рыцарь, улыбнись . . .

Онъ разсказываетъ сказки,
    Опершись на мечъ.
И она внимаетъ въ маскѣ.
    И за ними — тихій танецъ
    Отдаленныхъ встрѣчъ . . .

Какъ горитъ ея румянецъ!
Страненъ профиль темныхъ плечъ!
    А за ними — тихій танецъ
    Отдаленныхъ встрѣчъ.

И на завѣсѣ оконной
    Золотится
Лучъ протянутый отъ сердца —
    Тонкій цѣпкій шнуръ.

И потерянный, влюбленный
    Не умѣетъ прицѣпиться
Улетѣвшій съ книжной дверцы
        Амуръ.

*

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

Въ длинной сказкѣ
Тайно кроясь,
Бьетъ условный часъ.

Въ темной маскѣ
Прорѣзь
Яркихъ глазъ.

Нѣтъ печальнѣй покрывала,
Тоньше стана нѣтъ . . .

— Вы любезнѣй, чѣмъ я знала,
Господинъ поэтъ!
— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя . . .

На плечѣ за тканью тусклой,
На концѣ ботинки узкой
Дремлетъ тихая змѣя.

*

ВЪ УГЛУ ДИВАНА

Но въ каминѣ дозвенѣли
Угольки.

За окошкомъ догорѣли
Огоньки.

И на вьюжномъ морѣ тонутъ
Корабли.

И надъ южнымъ моремъ стонутъ
Журавли.

Вѣрь мнѣ, въ этомъ мірѣ солнца
Больше нѣтъ.

Вѣрь лишь мнѣ, ночное сердце,
Я — поэтъ!

Я, какія хочешь, сказки
Разскажу,

И, какія хочешь, маски
Приведу.

И пройдутъ любыя тѣни
При огнѣ,

Странныхъ очерки видѣній
На стѣнѣ.

И любой колѣни склонитъ
Предъ тобой . . .

И любой цвѣтокъ уронитъ
Голубой . . .

*

ТѢНИ НА СТѢНѢ

Вотъ прошелъ король съ зубчатымъ
Пляшущимъ вѣнцомъ.

Шутъ прошелъ въ плащѣ крылатомъ
Съ круглымъ бубенцомъ.

Дамы съ шлейфами, пажами,
Въ розовыхъ тѣняхъ.

Рыцарь съ темными цѣпями
На стальныхъ рукахъ.

Ахъ, къ походкѣ вашей, рыцарь,
Шелъ бы длинный мечъ!

Подъ забраломъ вашимъ, рыцарь,
Нѣжный взоръ желанныхъ встрѣчъ!

Ахъ, пѣтушій гребень, рыцарь,
Вашъ украсилъ шлемъ!

Ахъ, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачѣмъ?

Къ нашимъ сказкамъ, милый рыцарь,
    Приклоните слухъ . . .

Эти розы, милый рыцарь,
Подарилъ мнѣ другъ.

Эти розаны — мнѣ, рыцарь,
    Милый другъ принесъ . . .

Ахъ, вы сами въ сказкѣ, рыцарь!
Вамъ не надо розъ . . .

*

НАСМѢШНИЦА

Подвела мнѣ брови краснымъ,
  Поглядѣла и сказала:
  — Я не знала:
Тоже можешь быть прекраснымъ,
  Темный рыцарь, ты!

И, смѣясь, ушла съ другими.
А подъ сводами ночными
  Плыли тѣни пустоты,
  Догорали хрустали.

Тѣни плыли, колдовали,
Струйки винныя дремали,
  И вдали
Заливалось утро крикомъ
  Пѣтуха . . .
И летѣли тройки съ гикомъ . . .

И она пришла опять
И сказала: — Рыцарь, что ты?
  Это — сны твоей дремоты . . .
  Что ты хочешь услыхать?
  Ночь глуха.
Ночь не можетъ понимать
  Пѣтуха.

*

ОНИ ЧИТАЮТЪ СТИХИ

Смотри: я спуталъ всѣ страницы,
Пока глаза твои цвѣли.
Большія крылья снѣжной птицы
Мой умъ метелью замели.

Какъ странны были рѣчи маски!
Понятны ли тебѣ? — Богъ вѣсть!
Ты твердо знаешь: въ книгахъ — сказки,
А въ жизни — только проза есть.

Но для меня нераздѣлимы
Съ тобою — ночь, и мгла рѣки,
И застывающіе дымы,
И риѳмъ веселыхъ огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И въ темной памяти не трогай
Иного — страшнаго — огня.

*

НЕИЗБѢЖНОЕ

Тихо вывела изъ комнатъ,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Онъ не вспомнитъ,
Не запомнитъ, что теперь.

Вьюга память похоронитъ,
Навсегда затворитъ дверь.

Сладко въ очи поглядѣла
Взоромъ, какъ стрѣла.

Слушай, вѣтеръ звѣзды гонитъ,
Слушай, пасмурные кони
Топчутъ звѣздные предѣлы
И кусаютъ удила . . .

И подъ маской — такъ спокойно
Расцвѣли глаза.

Неизбѣжно и спокойно
Взоръ упалъ въ ея глаза.

*

ЗДѢСЬ И ТАМЪ

Вѣтеръ звалъ и гналъ погоню,
Черныхъ масокъ не догналъ . . .
Были вѣрны наши кони,
Кто-то бѣлый помогалъ . . .

Заметалъ снѣгами сани,
Коней иглами дразнилъ,
Строилъ башни изъ тумана,
И кружилъ, и пѣлъ въ туманѣ,
И изъ снѣжнаго бурана
Окомъ темнымъ сторожилъ.

И метался вѣтеръ быстрый
    По бурьянамъ,
И снопами мчались искры
    По туманамъ, —
Вѣтеръ масокъ не догналъ,
И съ высотъ сереброзвѣздныхъ
    Тучу бѣлую сорвалъ . . .

И въ открытыхъ синихъ безднахъ
    Обозначились двѣ тѣни,
    Улетающія въ дали
    Незнакомой стороны . . .

Странныхъ очерки видѣній
Въ черныхъ маскахъ танцовали —
        Были влюблены.

*

СМЯТЕНІЕ

Мы ли — пляшущія тѣни?
Или мы бросаемъ тѣнь?
Сновъ, обмановъ и видѣній
Догорѣвшій полонъ день.

Не пойму я, что насъ манитъ,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей подъ маской взоръ туманитъ
Сумракъ вьюги снѣговой?

И твои мнѣ свѣтятъ очи
На яву или во снѣ?
Даже въ полднѣ, даже въ днѣ
Разметались космы ночи . . .

И твоя ли неизбѣжность
Совлекла меня съ пути?
И моя ли страсть и нѣжность
Хочетъ вьюгой изойти?

Маска, дай мнѣ чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мнѣ, маска, душу,
Горе свѣтлое мое!

*

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце проситъ гибели.
Сердце легкое, скользи . . .
Вотъ меня изъ жизни вывели
Снѣжнымъ серебромъ стези . . .

Какъ надъ тою дальней прорубью
Тихій паръ струитъ вода,
Такъ своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Бѣлой смерти предала . . .

И въ какой иной обители
Мнѣ влачиться суждено,
Если сердце хочетъ гибели,
Тайно просится на дно?

*

НѢТЪ ИСХОДА

Нѣтъ исхода изъ вьюгъ,
И погибнуть мнѣ весело.
Завела въ очарованный кругъ,
Серебромъ своихъ вьюгъ занавѣсила . .

Тихо смотритъ въ меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю въ метеляхъ . . .

И на снѣжныхъ постеляхъ
Спятъ цари и герои
Минувшаго дня
Въ среброснѣжномъ покоѣ —
О, Твои, Незнакомая, снѣжныя жертвы!

И привѣтно глядятъ на меня:
— Возстань изъ мертвыхъ!

*

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, послѣдняя игла,
    Въ снѣгахъ!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снѣжный прахъ!

Убей меня, какъ я убилъ
Когда-то близкихъ мнѣ!

Я всѣхъ забылъ, кого любилъ,
Я сердце вьюгой закрутилъ,
Я бросилъ сердце съ бѣлыхъ горъ,
    Оно лежитъ на днѣ!

Я самъ иду на твой костеръ!
    Сжигай меня!

    Пронзай меня,
    Крылатый взоръ,
Иглою снѣжнаго огня!

*

НА СНѢЖНОМЪ КОСТРѢ

И взвился костеръ высокій
Надъ распятымъ на крестѣ.
Равнодушны, снѣжнооки,
Ходятъ ночи въ высотѣ.

Молодыя ходятъ ночи,
Сестры — пряхи снѣжныхъ зимъ,
И глядятъ, открывши очи,
Завиваютъ бѣлый дымъ.

И крылатыми очами
Нѣжно смотритъ высота.
Вейся, легкій, вейся, пламень,
Увивайся вкругъ креста!

Въ снѣжной маскѣ, рыцарь милый,
Въ снѣжной маскѣ ты гори!
Я-ль не пѣла, не любила,
Поцѣлуевъ не дарила
Отъ зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снѣжной кровью
Я была тебѣ вѣрна.

Я была вѣрна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядѣть мнѣ въ очи,
Крылья легкія дала . . .

Такъ гори, и яръ и свѣтелъ,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкій пепелъ
По равнинѣ снѣговой.

*

ФАИНА

Вотъ явилась. Заслонила
Всѣхъ нарядныхъ, всѣхъ подругъ,
И душа моя вступила
Въ предназначенный ей кругъ.

И подъ знойнымъ снѣжнымъ стономъ
Расцвѣли черты твои.
Только тройка мчитъ со звономъ
Въ снѣжно-бѣломъ забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня въ поля . . .
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя . . .

И о той-ли вольной волѣ
Вѣтеръ плачетъ вдоль рѣки,
И звенятъ, и гаснутъ въ полѣ
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой поясъ стянутъ,
Нагло скроменъ дикій взоръ!
Пусть мгновенья всѣ обманутъ,
Канутъ въ пламенный костеръ!

Такъ пускай же вѣтеръ будетъ
Пѣть обманы, пѣть шелка!
Пусть навѣкъ не знаютъ люди,
Какъ узка твоя рука!

Какъ за темною вуалью
Мнѣ на мигъ открылась даль . . .
Какъ надъ бѣлой, снѣжной далью
Пала темная вуаль . . .

*

Я былъ смущенный и веселый.
Меня дразнилъ твой темный шелкъ,
Когда твой занавѣсъ тяжелый
Раздвинулся — театръ умолкъ.

Живымъ огнемъ разъединило
Насъ рампы свѣтлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вотъ, опять сіяютъ свѣчи,
Душа одна, душа слѣпа . . .
Твои блистательныя плечи,
Тобою пьяная толпа . . .

Звѣзда, ушедшая отъ міра,
Ты надъ равниной — вдалекѣ . . .
Дрожитъ серебряная лира
Въ твоей протянутой рукѣ . . .

*

Н. Н. В.

Я въ дольній міръ вошла, какъ въ ложу.
Театръ взволнованный погасъ.
И я одна лишь мракъ тревожу
Живымъ огнемъ крылатыхъ глазъ.

Они поютъ изъ темной ложи.
— Найди. Люби. Возьми. Умчи.
И всѣ, кто властенъ и ничтоженъ,
Опустятъ предо мной мечи.

И всѣ придутъ, какъ волны въ море,
Какъ за грозой идетъ гроза.
Пылайте, траурныя зори,
Мои крылатые глаза!

Взоръ мой — факелъ, къ высямъ кинутъ,
Словно въ небо опрокинутъ
Кубокъ темнаго вина!
Тонкій станъ мой шелкомъ схваченъ.
Темный жребій вамъ назначенъ,
Люди! Я стройна!

Я — звѣзда мечтаній нѣжныхъ,
И въ вѣнцѣ метелей снѣжныхъ
Я плыву, скользя . . .
Въ серебрѣ метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкій поясъ —
Млечная стезя!

*

Ушла. Но гіацинты ждали,
И день не разбудилъ окна,
И въ легкихъ складкахъ женской шали
Цвѣла ночная тишина.

Въ косыхъ лучахъ вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьемъ нильскихъ лилій
Меня плѣнять и опьянять.

Мнѣ слабость этихъ рукъ знакома,
И эта шепчущая рѣчь,
И стройной таліи истома,
И матовость покатыхъ плечъ.

Но въ имени твоемъ — безмѣрность,
И рыжій сумракъ глазъ твоихъ
Таитъ змѣиную невѣрность
И ночь преданій грозовыхъ.

И, міру дольнему подвластна,
Межъ всѣхъ — не знаешь ты одна,
Какимъ радѣньямъ ты причастна,
Какою вѣрой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, въ глаза взгляни,
И темнымъ взоромъ острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мнѣ змѣей ползучей,
Въ глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

*

За холмомъ отзвенѣли упругія латы,
И копье потерялось во мглѣ.
Не сіяетъ и шлемъ — золотой и пернатый —
Все, что было со мной на землѣ.

Встанетъ утро, застанетъ раскинувшимъ руки,
Гдѣ я въ небо ночное смотрѣлъ.
Солнцебоги, смѣясь, напрягутъ свои луки,
Обольютъ меня тучами стрѣлъ.

Если близкое утро пророчитъ мнѣ гибель,
Неужели твой голосъ молчитъ?
Чую, тамъ, подъ холмами, на горномъ изгибѣ
Ликъ твой молнійный гнѣвомъ горитъ!

Воротясь, ты направишь копье полуночи
Солнцебогу веселому въ грудь.
Я увижу въ змѣиныхъ кудряхъ твои очи,
Я услышу твой голосъ: — Забудь.

Надо мною ты въ синемъ своемъ покрывалѣ,
Съ исцѣляющимъ жаломъ — змѣя . . .
Мы узнаемъ съ тобою, что прежде знавали,
Подъ невѣрнымъ мерцаньемъ копья!

*

Моей матери

Я насадилъ мой свѣтлый рай
И оградилъ высокимъ тыномъ,
И въ синій воздухъ, въ дивный край
Приходитъ мать за милымъ сыномъ.

— Сынъ милый, гдѣ ты? — Тишина.
Надъ частымъ тыномъ солнце зрѣетъ,
И медленно и вѣрно грѣетъ
Долину райскаго вина.

И бережно обходитъ мать
Мои сады, мои завѣты,
И снова кличетъ: — Сынъ мой! Гдѣ ты?
Цвѣтовъ стараясь не измять . . .

Все тихо. Знаетъ ли она,
Что сердце зрѣетъ за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившимъ райскаго вина?

*

Въ этотъ сѣрый лѣтній вечеръ,
Возлѣ бѣднаго жилья,
По тебѣ томится вѣтеръ,
Черноокая моя!

Ты въ какихъ степяхъ гуляла,
Дожидалась до звѣзды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбилъ тебя и бросилъ,
Знаю — взялъ, чего хотѣлъ,
Бросилъ, вскинулъ пару веселъ,
Уплывая, не запѣлъ . . .

Долго ль пѣсни заунывной
Ты надъ берегомъ ждала,
И какой рѣкѣ разливной
Душу-бурю предала?

*

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда въ листвѣ сырой и ржавой
Рябины заалѣетъ гроздь, —
Когда палачъ рукой костлявой
Вобьетъ въ ладонь послѣдній гвоздь, —

Когда надъ рябью рѣкъ свинцовой,
Въ сырой и сѣрой высотѣ,
Предъ ликомъ родины суровой
Я закачаюсь на крестѣ, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертныхъ слезъ,
И вижу: по рѣкѣ широкой
Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Христосъ.

Въ глазахъ — такія же надежды,
И то же рубище на немъ.
И жалко смотритъ изъ одежды
Ладонь, пробитая гвоздемъ.

Христосъ! Родной просторъ печаленъ!
Изнемогаю на крестѣ!
И челнъ твой — будетъ ли причаленъ
Къ моей распятой высотѣ?

2

И вотъ уже вѣтромъ разбиты, убиты,
Кусты облетѣлой ракиты.

И прахомъ дорожнымъ
Угрюмая старость легла на ланитахъ.
Но въ темныхъ орбитахъ
Взглянули, сверкнули глаза невозможнымъ...

И радость, и слава —
Все въ этомъ сіяньи бездонномъ,
И дальномъ.

Но смятыя травы
Печальны,
И листья крутятся въ лѣсу обнаженномъ . . .

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мнѣ все жальче и жальче . . .

О, глупое сердце,
Смѣющійся мальчикъ,
Когда перестанешь ты биться?

3

Подъ вѣтромъ холодныя плечи
Твои обнимать такъ отрадно:
Ты думаешь — нѣжная ласка,
Я знаю — восторгъ мятежа!

И теплятся очи, какъ свѣчи
Ночныя, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звѣздная дышитъ межа . . .

О, въ этотъ сіяющій вечеръ
Ты будешь все также прекрасна,
И, вѣрная темному раю,
Ты будешь мнѣ свѣтлой звѣздой!

Я знаю, что холоденъ вѣтеръ,
Я вѣрю, что осень безстрастна!
Но въ темномъ плащѣ не узнаютъ
Что ты пировала со мной! . .

И мчимся въ осеннія дали,
И слушаемъ дальнія трубы,
И мѣримъ ночныя дороги,
Холодныя выси мои . . .

Часы торжества миновали —
Мои опьяненныя губы
Цѣлуютъ въ предсмертной тревогѣ
Холодныя губы твои.

*

Въ тѣ ночи свѣтлыя, пустыя,
Когда въ Неву глядятъ мосты,
Они встрѣчались, какъ чужіе,
Забывъ, что есть простое *ты*.

И каждый былъ красивъ и молодъ,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холодъ
Подъ одичалой красотой.

И, сердцемъ вѣчно строгимъ мѣря,
Онъ не умѣлъ, не могъ любить.
Она любила только звѣря
Въ немъ раздразнить — и укротить.

И чуждый — чуждой жалъ онъ руки,
И сѣверъ самъ, спѣша помочь
Красивой нѣжности и скукѣ,
Въ день превращалъ живую ночь.

Такъ, въ свѣтлотѣ ночной пустыни,
Въ объятья ночи не спѣша,
Глядѣлась въ куполъ блѣдно-синій
Ихъ обреченная душа.

*

СНѢЖНАЯ ДѢВА

Она пришла изъ дикой дали —
Ночная дочь иныхъ временъ.
Ее родные не встрѣчали,
Не просіялъ ей небосклонъ.

Но сфинкса съ выщербленнымъ ликомъ
Надъ исполинскою Невой
Она встрѣчала легкимъ вскрикомъ
Подъ бурей ночи снѣговой.

Бывало, вьюга ей осыпетъ
Звѣздами плечи, грудь и станъ, —
Все снится ей родной Египетъ
Сквозь тусклый сѣверный туманъ.

И городъ мой желѣзно-сѣрый,
Гдѣ вѣтеръ, дождь, и зыбь, и мгла,
Съ какой-то непонятной вѣрой
Она, какъ царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшія въ ночной глуши,
И въ окнахъ тихія лампады
Слились съ мечтой ея души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь городъ мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она даритъ мнѣ перстень вьюги
За то, что плащъ мой полонъ звѣздъ,
За то, что я въ стальной кольчугѣ,
И на кольчугѣ — строгій крестъ.

Она глядитъ мнѣ прямо въ очи,
Хваля неробкаго врага.
Съ полей ея холодной ночи
Въ мой духъ врываются снѣга.

Но сердце Снѣжной Дѣвы нѣмо
И никогда не приметъ мечъ,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною разсѣчь.

И я, какъ вождь враждебной рати,
Всегда закованный въ броню,
Мечту торжественныхъ объятій
Въ священномъ трепетѣ храню.

*

И я провелъ безумный годъ
У шлейфа чернаго. За муки,
За дни терзаній и невзгодъ
Моихъ волосъ касались руки,
Смотрѣли темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синимъ кругомъ
Мои глаза обведены.
Она зоветъ печальнымъ другомъ.
Она разсказываетъ сны.
И въ темный вечеръ, въ долгій вечеръ
За окнами кружится вѣтеръ.

Потомъ она кончаетъ прясть
И тихо складываетъ пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Цѣлую черный волосъ,
И въ сердце льется темный голосъ.

Такъ провожу я ночи, дни
У шлейфа дѣвы, въ тихой залѣ.
Въ каминѣ умерли огни,
Въ окнѣ быстрѣе заплясали
Снѣжинки быстрыя — и вотъ,
Она встаетъ. Она уйдетъ.

Она завязываетъ туго
Свой черный шелковый платокъ,
Въ послѣдній разъ ласкаетъ друга,
Бросая ласковый намекъ,
Идетъ . . . Ея движенья быстры,
Въ очахъ, тускнѣя, гаснутъ искры.

И я прислушиваюсь къ стуку
Стеклянной двери вдалекѣ,
И къ замирающему звуку
Углей въ потухшемъ камелькѣ . . .
Потомъ — опять бросаюсь къ двери,
Бѣгу за ней . . . Въ морозномъ скверѣ

Вздыхаетъ по дорожкамъ ночь.
Она тихонько огибаетъ
За клумбой клумбу; отступаетъ;
То подойдетъ, то прянетъ прочь . . .
И дальній шумъ почти не слышенъ,
И городъ спитъ, морозно пышенъ . . .

Лишь въ воздухѣ морозномъ — гулко
Звенятъ шаги. Я узнаю
Въ невѣрномъ свѣтѣ переулка
Мою прекрасную змѣю:
Она ползетъ изъ свѣта въ свѣты,
И вьется шлейфъ, какъ хвостъ кометы . . .

И, настигая, съ новымъ жаромъ
Шепчу ей нѣжныя слова,
Опять кружится голова . . .
Далекимъ озаренъ пожаромъ,
Я передъ ней, какъ дикій звѣрь . . .
Стучитъ зѣвающая дверь, —

И, словно въ бездну, въ лоно ночи
Вступаемъ мы . . . Подъемъ нашъ крутъ . .
И бредъ. И мракъ. Сіяютъ очи.
На плечи волосы текутъ
Волной свинца — чернѣе мрака . . .
О, ночь мучительнаго брака! . . .

Мятежъ мгновеній. Яркій сонъ.
Напрасныхъ бѣшенство объятій, —
И звонкій утренній трезвонъ:
Толпятся ангельскія рати
За плотной завѣсой окна,
Но съ нами ночь — буйна, хмельна . . .

Да! съ нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлетъ насъ,
Чтобы мучительною страстью
День обезсиленный погасъ, —
И долгіе часы надъ нами
Она звенитъ и бьетъ крылами . .

И снова вечеръ . . .

*

ЗАКЛЯТІЕ ОГНЕМЪ И МРАКОМЪ

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ.

Лермонтовъ

1

О, весна безъ конца и безъ краю —
Безъ конца и безъ краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И привѣтствую звономъ щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебѣ мой привѣтъ!
Въ заколдованной области плача,
Въ тайнѣ смѣха — позорнаго нѣтъ!

Принимаю безсонные споры,
Утро въ завѣсахъ темныхъ окна,
Чтобъ мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынныя веси
И колодцы земныхъ городовъ!
Освѣтленный просторъ поднебесій
И томленія рабьихъ трудовъ!

И встрѣчаю тебя у порога —
Съ буйнымъ вѣтромъ въ змѣиныхъ кудряхъ,
Съ неразгаданнымъ именемъ Бога
На холодныхъ и сжатыхъ губахъ . . .

Передъ этой враждующей встрѣчей
Никогда я не брошу щита . . .
Никогда не откроешь ты плечи . . .
Но надъ нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измѣряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

2

Пріявшій міръ, какъ звонкій даръ,
Какъ злата горсть, я сталъ богатъ.
Смотрю: растетъ, шумитъ пожаръ —
Глаза твои горятъ.

Какъ стало жутко и свѣтло!
Весь городъ — яркій снопъ огня,
Рѣка — прозрачное стекло,
И только — нѣтъ меня . . .

Я здѣсь, въ углу. Я тамъ, распятъ.
Я пригвожденъ къ стѣнѣ — смотри!
Горятъ глаза твои, горятъ,
Какъ черныхъ двѣ зари!

Я буду здѣсь. Мы всѣ сгоримъ:
Весь городъ мой, рѣка, и я . . .
Крести крещеньемъ огневымъ
О, милая моя!

3

Я невѣрную встрѣтилъ у входа:
Уронила платокъ — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоитъ тишина.

Говорилъ ей несвязныя рѣчи,
Открывалъ ей всѣ тайны съ людьми,
Никому не повѣдалъ о встрѣчѣ,
Чтобъ она прошептала: возьми . . .

Но она ускользающей птицей
Полетѣла въ ненастье и мракъ,
Гдѣ взвился огневой багряницей
Засыпающій праздничный флагъ.

И у свѣтлаго дома, тревожно,
Я остался вдвоемъ съ темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

4

Перехожу отъ казни къ казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможнымъ дразнишь,
Немыслимымъ томишь меня . . .

И я, какъ темный рабъ, не смѣю
Въ огнѣ и мракѣ потонуть.
Я только робкой тѣнью вѣю,
Не смѣя въ небо заглянуть . . .

Какъ вѣтеръ, ты цѣлуешь жадно,
Какъ осень, шлейфомъ шелестя,
Храня въ темницѣ безотрадной,
Меня, какъ бѣдное дитя . . .

Рабомъ безумнымъ и покорнымъ
До времени таюсь и жду
Подъ этимъ взоромъ, слишкомъ чернымъ
Въ моемъ пылающемъ бреду . . .

Лишь утромъ смѣю покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонетъ въ складкахъ платья
Мое безумное лицо . . .

Лишь утромъ воронамъ бросаю
Свой хмель, свой сонъ, свою мечту . . .
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что быть безстрастнымъ? Что — крылатымъ?
Сто разъ бичуй и укори,
Чтобъ только быть на мигъ проклятымъ
Съ тобой — въ огнѣ ночной зари!

5

Пойми же, я спуталъ, я спуталъ
Страницы и строки стиховъ,
Плащомъ твои плечи окуталъ,
Остался съ тобою безъ словъ . . .

Пойми, въ этомъ сумракѣ — магомъ
Стою надъ тобою и жду
Подъ бьющимся праздничнымъ флагомъ,
На стражѣ, подъ вѣтромъ, въ бреду . . .

И вѣтеръ поетъ и пророчитъ
Мнѣ въ будущемъ — сонъ голубой . . .
Онъ хочетъ смѣяться, онъ хочетъ,
Чтобъ ты веселилась со мной!

И розы, осеннія розы
Мнѣ снятся на каждомъ шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На бѣломъ, на легкомъ снѣгу!

О будущемъ вѣтеръ не скажетъ,
Не скажетъ осенній цвѣтокъ,
Что милая тихо развяжетъ
Свой шелковый, черный платокъ . . .

Что только звенящая снится
И душу палящая тѣнь . . .
Что сердце — летящая птица . . .
Что въ сердцѣ — щемящая лѣнь . . . .

6

Въ безконечной дали корридоровъ
Не она ли тамъ пляшетъ вдали?
Не меня ль этой музыкой споровъ
Отъ нея въ этотъ часъ отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что теменъ мой храмъ.
Трепетанья, вздыханія груди
Воспаленнымъ открыты глазамъ.

Сердце — легкая птица забвеній
Въ золотой пролетающій часъ:
То она, въ опьяненьи круженій,
Пляской тризну справляетъ о васъ.

Никого ей не надо изъ скромныхъ,
Ей не умъ и не глупость нужны,
И не любитъ навѣрное темныхъ,
Прислоненныхъ, какъ я, у стѣны . . .

Сердце, взвейся, какъ легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой рѣсницы,
Къ блѣдно-смуглымъ плечамъ припади!

Сердце бьется, какъ птица томится —
То вдали закружилась она —
Въ легкомъ танцѣ, летящая птица,
Никому, ничему не вѣрна . . .

7

По улицамъ метель мететъ,
Свивается, шатается.
Мнѣ кто-то руку подаетъ
И кто-то улыбается.

Ведетъ — и вижу: глубина,
Гранитомъ темнымъ сжатая.
Течетъ она, поетъ она,
Зоветъ она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замеръ въ смутномъ трепетѣ:
Вотъ только перейду межу —
И буду въ струйномъ лепетѣ.

И шепчетъ онъ — не отогнать
(И воля уничтожена):
— Пойми: умѣньемъ умирать
— Душа облагорожена.

— Пойми, пойми, ты одинокъ,
— Какъ сладки тайны холода . . .
— Взгляни, взгляни въ холодный токъ,
— Гдѣ все навѣки молодо . . .

Бѣгу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я въ поле, въ снѣгъ и въ ночь,
Забьюсь подъ кустъ ракитовый!

Тамъ воля всѣхъ вольнѣе воль
Не приневолитъ вольнаго,
И болей всѣхъ больнѣе боль
Вернетъ съ пути окольнаго!

8

О, что мнѣ закатный румянецъ,
Что злыя тревоги разлукъ?
Все въ мірѣ — кружащійся танецъ
И встрѣчи трепещущихъ рукъ!

Я блѣдныя вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говоръ открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожатъ въ усталомъ пути . . .
А все пелена снѣговая
Не можетъ меня занести . . .

Неситесь, кружитесь, томите,
Снѣжинки — холодная вѣсть . . .
Души моей тонкія нити,
Порвитесь, развѣйтесь, сгорите . . .

Ты, холодъ, мой холодъ, мой зимній,
Въ душѣ моей — страстное есть . . .
Стань, сердце, вздыхающій схимникъ,
Умрите, умрите, вы, гимны . . .

Вновь летитъ, летитъ, летитъ,
Звенитъ, и снѣгъ крутитъ, крутитъ,
Налетаетъ вихрь
Снѣжныхъ искръ . . .

Ты видѣньемъ, въ пляскѣ нѣжной,
Посреди подругъ
Обошла равниной снѣжной,
Быстротечный
Безконечный кругъ . . .

Слышу говоръ твой открытый,
Вижу блѣдныя ланиты,
Въ ясный взоръ гляжу . . .

Все, что не скажу,
Передамъ одной улыбкой . . .
Счастье, счастье! Съ нами ночь!
Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь . . .
Заметая, запѣвая,
Станъ твой гибкій
Вихремъ туча снѣговая
Обдала,
Отняла . . .

И опять метель, метель
Вьетъ, поетъ, кружитъ . . .
Все — видѣнья, все — измѣны . . .
Въ снѣжномъ кубкѣ, полномъ пѣны,
Хмель
Звенитъ . . . .
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети дѣвичій слѣдъ —
Смерти нѣтъ!
Въ темномъ полѣ
Бродитъ свѣтъ!

Горькой долѣ —
Много лѣтъ . . .

И вотъ опять, опять въ возвратный
Пустилась плясъ . . .
Метель поетъ. Твой голосъ — внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнуть на мигъ . . .

Какой это танецъ? Какимъ это свѣтомъ
Ты дразнишь и манишь?
Въ круженіи этомъ
Когда ты устанешь?
Чьи пѣсни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящіе звуки
И — вольная Русь? . . .
И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убѣгаетъ, скрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Впередъ . . .
И пѣсня встаетъ . . .
И страннымъ сіяньемъ сіяютъ черты . . .
Удалая пляска!
О, пѣсня! О, удаль! О, гибель! О, маска . . .
Гармоника — ты?

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькіе лютики,
Весенніе цвѣтки!

Тамъ съ посвистомъ, да съ присвистомъ
Гуляютъ до зари,
Кусточки тихимъ шелестомъ
Киваютъ мнѣ: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
Въ широкій плясъ пошла,
Цвѣтами всѣхъ осыпала
И въ пѣснѣ изошла . . .

Невѣрная, лукавая,
Коварная, — пляши!
И будь навѣкъ отравою
Растраченной души!

Съ ума сойду, сойду съ ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю . . .

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебѣ, тебѣ пою,
И пѣснямъ нѣтъ числа! . . .

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь съ уродскимъ горбомъ
За долгой и честной работой,
За долгимъ и честнымъ трудомъ.

Подъ праздникъ — другимъ будетъ сладко,
Другой твои пѣсни споетъ,
Съ другими лихая солдатка
Пойдетъ, подбочась, въ хороводъ.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясалъ бы — вонъ какъ!
Что могъ бы стянуть и потуже
Свой золотомъ шитый кушакъ!

Что ростомъ и станомъ ты вышелъ
Статнѣе и краше другихъ,
Что та молодица — повыше
Другихъ молодицъ удалыхъ!

Въ ней сила играющей крови,
Хоть смуглыя щеки блѣдны,
Тонки ея черныя брови,
И строгія рѣчи хмельны . . .

Ахъ, сладко, какъ сладко, такъ сладко
Работать, пока разсвѣтетъ,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, въ хороводъ!

11

И опять затихъ у ногъ —
У ногъ давно и тайно милой,
Заноситъ вьюга на порогъ
Пожаръ метели бѣлокрылой . . .

Но имя тонкое твое
Твердить мнѣ дивно, больно, сладко . . .
И цѣловать твой шлейфъ украдкой,
Когда метель поетъ, поетъ . . .

Въ хмельной и злой своей темницѣ
Заночевало, сердце, ты,
И тихія твои рѣсницы
Смежили снѣжные цвѣты.

Какъ будто, на срединѣ бѣга,
Я подъ метелью изнемогъ,
И предо мной возникъ изъ снѣга
Холодный, неживой цвѣтокъ . . .

И съ тайной грустью, съ грустью нѣжной,
Какъ снѣгъ спадаетъ съ лепестка,
Живое имя Дѣвы Снѣжной
Еще слетаетъ съ языка . . .

*

ИНОКЪ

Никто не скажетъ: я безуменъ.
Поклонъ мой низокъ, ликъ мой строгъ.
Не позоветъ меня игуменъ
Въ ночи на строгій свой порогъ.

Я грустнымъ братьямъ — братъ примѣрный,
И рясу черную несу,
Когда съ утра, походкой вѣрной
Сметаю съ блѣдныхъ травъ росу.

И, подходя ко всѣмъ иконамъ,
Какъ строгій и смиренный братъ,
Творю поклонъ я за поклономъ,
И за обрядами обрядъ.

И кто пойметъ, и кто узнаетъ,
Что ты сказала мнѣ: молчи . . .
Что воскъ души блаженной таетъ
На яромъ пламени свѣчи . . .

Что никакихъ молитвъ не надо,
Когда ты ходишь по рѣкѣ
За монастырскою оградой
Въ своемъ монашескомъ платкѣ.

Что вотъ — меня цвѣтистымъ хмелемъ
Безумно захлестнула ты,
И потерялъ я счетъ недѣлямъ
Моей преступной красоты.

*

ПѢСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу въ глаза твои
Глазами узкими змѣи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змѣя!
Смотри: я мигъ была твоя,
И бросила тебя!

Ты мнѣ постылъ! Иди же прочь!
Съ другимъ я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонитъ грусть,
Ласкаетъ пусть, цѣлуетъ пусть,
Ступай — бичемъ хлесну!

Попробуй кто, приди въ мой садъ,
Взгляни въ мой черный, узкій взглядъ,
Сгоришь въ моемъ саду!

Я вся — весна! Я вся — въ огнѣ!
Не подходи и ты ко мнѣ,
Кого люблю и жду!

Кто старъ и сѣдъ и въ цвѣтѣ лѣтъ,
Кто больше звонкихъ дастъ монетъ,
Приди на звонкій кличъ!

Надъ красотой, надъ сѣдиной,
Надъ вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкій бичъ!

*

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волосъ распущенная прядь
На плечи темныя спустилась.

Міръ не великъ и не богатъ —
И не глядѣть бы взоромъ чернымъ!
Вѣдь только люди говорятъ,
Что надо ждать и быть покорнымъ . . .

А здѣсь — какая то свирѣль
Поетъ надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
«Ласкай немилаго ребенка» . . .

Я тоже — здѣсь. Съ моей судьбой,
Надъ лирой, гнѣвной, какъ сѣкира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарахъ міра . . .

Я вѣрю мглѣ твоихъ волосъ
И твоему великолѣпью.
Мой сирый духъ — твой вѣрный песъ,
У ногъ твоихъ грохочетъ цѣпью . . .

И вотъ опять, и вотъ опять,
Встрѣчаясь съ этимъ темнымъ взглядомъ,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить съ тобою рядомъ . . .

Мечта! Что жизни сонъ глухой?
Отрава — вслѣдъ иной отравѣ . . .
Я измѣню тебѣ, какъ той,
Не измѣняя, не лукавя . . .

Забавно жить! Забавно знать,
Что подъ луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нѣтъ,
Что людямъ дамъ, что ты дала мнѣ.
А люди — на могильномъ камнѣ
Начертятъ прозвище: *Поэтъ*.

*

Когда вы стоите на моемъ пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальномъ,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Развѣ я обижу васъ?

О, нѣтъ! Вѣдь я не насильникъ,
Не обманщикъ и не гордецъ,
Хотя много знаю,
Слишкомъ много думаю съ дѣтства
И слишкомъ занятъ собой.
Вѣдь я — сочинитель,
Человѣкъ, называющій все по имени,
Отнимающій ароматъ у живого цвѣтка.
Сколько ни говорите о печальномъ,
Сколько ни размышляйте о концахъ и началахъ,
Все же, я смѣю думать,
Что вамъ только пятнадцать лѣтъ.

И потому я хотѣлъ бы,
Чтобы вы влюбились въ простого человѣка,
Который любитъ землю и небо
Больше, чѣмъ риѳмованныя и нериѳмованныя
Рѣчи о землѣ и о небѣ.

Право, я буду радъ за васъ,
Такъ какъ — только влюбленный
Имѣетъ право на званіе человѣка.

*

Она пришла съ мороза,
Раскраснѣвшаяся,
Наполнила комнату
Ароматомъ воздуха и духовъ,
Звонкимъ голосомъ
И совсѣмъ неуважительной къ занятіямъ
Болтовней.

Она немедленно уронила на полъ
Толстый томъ художественнаго журнала,
И сейчасъ же стало казаться,
Что въ моей большой комнатѣ
Очень мало мѣста.

Все это было немножко досадно
И довольно нелѣпо.
Впрочемъ, она захотѣла,
Чтобы я читалъ ей вслухъ Макбета.
Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которыхъ я не могу говорить безъ волненія,
Я замѣтилъ, что она тоже волнуется
И внимательно смотритъ въ окно.

Оказалось, что большой пестрый котъ
Съ трудомъ лѣпится по краю крыши,
Подстерегая цѣлующихся голубей.

Я разсердился больше всего на то,
Что цѣловались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

*

Я помню длительныя муки:
Ночь догорала за окномъ:
Ея заломленныя руки
Чуть брезжили въ лучѣ дневномъ.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А тамъ, какъ призракъ возрастая,
День обозначилъ купола;

И подъ окошкомъ участились
Прохожихъ быстрые шаги;
И въ сѣрыхъ лужахъ расходились
Подъ каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось . . .
И праздный тяготилъ вопросъ;
И ничего не разрѣшилось
Весеннимъ ливнемъ бурныхъ слезъ.

*

Своими горькими слезами
Надъ нами плакала весна.
Огонь мерцалъ за камышами,
Дразня лихого скакуна . . .

Опять звала безчеловѣчнымъ,
Ты, отданная мнѣ давно! . . .
Но вѣтромъ буйнымъ, вѣтромъ встрѣчнымъ
Твое лицо опалено . . .

Опять — безсильно и напрасно —
Ты отстранялась отъ огня . . .
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня! . . .

И стало все равно, какія
Лобзать уста, ласкать плеча,
Въ какія улицы глухія
Гнать удалого лихача . . .

И все равно, чей вздохъ, чей шопотъ, —
Быть можетъ, здѣсь уже не ты . . .
Лишь скакуна неровный топотъ,
Какъ бы съ далекой высоты . . .

Такъ — сведены съ ума мгновеньемъ —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своимъ уничтоженьемъ,
Твоимъ превратностямъ, любовь!

Теперь, когда мнѣ звѣзды ближе,
Чѣмъ та неистовая ночь,
Когда еще безмѣрно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда одинъ съ самимъ собою
Я проклинаю каждый день, —
Теперь проходитъ предо мною
Твоя *развѣнчанная тѣнь . . .*

Съ благоволеньемъ? Иль съ укоромъ?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мнѣ приговоромъ? —
Не знаю: я забылъ тебя.

*

ВОЛЬНЫЯ МЫСЛИ

(Посв. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой разсудительной. Ну, что же?
Такъ я хочу. Такъ свойственно мнѣ знать,
Что и ко мнѣ придетъ она въ свой часъ.

Я проходилъ вдоль скачекъ по шоссе.
День золотой дремалъ на грудахъ щебня,
А за глухимъ заборомъ — ипподромъ
Подъ солнцемъ зеленѣлъ. Тамъ стебли злаковъ
И одуванчики раздутые весной,
Въ ласкающихъ лучахъ дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зѣвакъ и модницъ. Маленькіе флаги
Пестрѣли тамъ и здѣсь. А на заборѣ
Прохожіе сидѣли и глазѣли.

Я шелъ и слышалъ быстрый гонъ коней
По грунту легкому. И быстрый топотъ
Копытъ. Потомъ — внезапный крикъ:
— Упалъ! Упалъ! — кричали на заборѣ,
И я, вскочивъ на маленькій пенекъ,
Увидѣлъ все заразъ: вдали летѣли
Жокеи въ пестромъ — къ тонкому столбу.
Чуть чуть отставъ отъ нихъ, скакала лошадь
Безъ сѣдока, взметая стремена.

А за листвой кудрявенькихъ березокъ,
Такъ близко отъ меня — лежалъ жокей,
Весь въ желтомъ, въ зеленяхъ весеннихъ злаковъ,
Упавшій навзничь, обративъ лицо
Въ глубокое ласкающее небо.
Какъ-будто, вѣкъ лежалъ, раскинувъ руки
И ногу подогнувъ. Такъ хорошо лежалъ.
Къ нему уже бѣжали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбѣжали
И подняли его . . .

И вотъ повисла
Безпомощная желтая нога
Въ обтянутой рейтузѣ. Завалилась
Имъ на плечи куда-то голова . . .
Ландо подъѣхало. Къ его подушкамъ
Такъ бережно и нѣжно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человѣкъ
Вскочилъ неловко на подножку, замеръ,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучеръ повернулъ назадъ.
И такъ же медленно вертѣлись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья . . .
Такъ хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакалъ — съ одной упорной мыслью,
Чтобъ первымъ доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Ужъ силой ногъ не удержать сѣдла,
И утлыя взмахнулись стремена,
И полетѣлъ, отброшенный толчкомъ . . .
Ударился затылкомъ о родную,
Весеннюю, привѣтливую землю,

И въ этотъ мигъ — въ мозгу прошли всѣ мысли,
Единственныя нужныя. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И трупъ мечтательно глядитъ наверхъ.

Такъ хорошо и вольно.

Однажды брелъ по набережной я.
Рабочіе возили съ барокъ въ тачкахъ
Дрова, кирпичъ и уголь. И рѣка
Была еще синѣй отъ бѣлой пѣны.
Въ отстегнутые вороты рубахъ
Глядѣли загорѣлыя тѣла,
И свѣтлые глаза привольной Руси
Блестѣли строго съ почернѣвшихъ лицъ.
И тутъ же дѣти голыми ногами
Мѣсили груды желтаго песку,
Таскали то кирпичикъ, то полѣно,
То бревнышко. И прятались. А тамъ
Уже сверкали грязныя ихъ пятки,
И матери — съ отвислыми грудями
Подъ грязнымъ платьемъ — ждали ихъ, ругались
И, надававъ затрещинъ, отбирали
Дрова, кирпичики, бревешки. И тащили,
Согнувшись подъ тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тотъ — бревнышко, другой — кирпичикъ . . .

И вдругъ раздался всплескъ воды и крикъ:
— Упалъ! Упалъ! — опять кричали съ барки.
Рабочій, ручку тачки отпустивъ,
Показывалъ рукой куда-то въ воду,

И пестрая толпа рубахъ неслась
Туда, гдѣ на травѣ, въ камняхъ булыжныхъ,
На самомъ берегу — лежала сотка.
Одинъ тащилъ багоръ.

А между свай,
Забитыхъ возлѣ набережной въ воду,
Легко покачивался человѣкъ
Въ рубахѣ и въ разорванныхъ порткахъ.
Одинъ схватилъ его. Другой помогъ,
И длинное растянутое тѣло,
Съ котораго ручьемъ лилась вода,
Втащили на берегъ и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачѣмъ то щеку приложилъ къ груди
Намокшей, и прилежно слушалъ,
Должно быть, сердце. Собрался народъ,
И каждый вновь пришедшій задавалъ
Одни и тѣ же глупые вопросы:
Когда упалъ, да сколько пролежалъ
Въ водѣ, да сколько выпилъ?
Потомъ всѣ стали тихо отходить,
И я пошелъ своимъ путемъ, и слушалъ,
Какъ истовый, но выпившій рабочій
Авторитетно говорилъ другимъ,
Что губитъ каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жаръ, покуда голова
Тупа, и мысли вялы . . .

Сердце!
Ты будь вожатаемъ моимъ. И смерть

Съ улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносятъ,
Какую я въ себѣ ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотрѣть въ глаза людскіе,
И пить вино, и женщинъ цѣловать,
И яростью желаній полнить вечеръ,
Когда жара мѣшаетъ днемъ мечтать
И пѣсни пѣть! И слушать въ мірѣ вѣтеръ!

*

НАДЪ ОЗЕРОМЪ

Съ вечернимъ озеромъ я разговоръ веду
Высокимъ ладомъ пѣсни. Въ тонкой чащѣ
Высокихъ сосенъ, съ выступовъ песчаныхъ,
Изъ-за могилъ и склеповъ, гдѣ огни
Лампадъ и сумракъ дымно-сизый —
Влюбленныя ему я пѣсни шлю.

Оно меня не видитъ — и не надо.
Какъ женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотритъ въ небо,
Туманится, и даль поитъ туманомъ,
И отняло у неба весь закатъ.
Всѣ исполняютъ прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафоръ на дальнемъ берегу,
Въ немъ отразившій свой огонь зеленый,
Какъ разъ, на самой розовой водѣ.
Къ нему ползетъ трехглазая змѣя
Своимъ единственнымъ стальнымъ путемъ,
И, прежде свиста, озеро доноситъ
Ко мнѣ — ея ползучій, хриплый шумъ.
Я на уступѣ. Надо мной — могила

Изъ темнаго гранита. Подо мной —
Бѣлѣющая въ сумеркахъ дорожка.
И, кто посмотритъ снизу на меня,
Тотъ испугается: такой я неподвижный,
Въ широкой шляпѣ, средь ночныхъ могилъ
Скрестившій руки, стройный и влюбленный въ
міръ.

Но некому взглянуть. Внизу идутъ
Влюбленные другъ въ друга: нѣтъ имъ дѣла
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Имъ нужны человѣческіе вздохи,
Мнѣ нужны вздохи сосенъ и воды.
А озеру — красавицѣ — ей нужно,
Чтобъ я, никѣмъ не видимый, запѣлъ
Высокій гимнъ о томъ, какъ ясны зори,
Какъ стройны сосны, какъ вольна душа.

Прошли всѣ пары. Сумерки синѣй,
Бѣлѣй туманъ. И дѣвичьяго платья
Я вижу складки легкія внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко сѣла на ступеньки
Могилы, не замѣтивши меня . . .
Я вижу легкій профиль. Пусть не знаетъ,
Что знаю я, о чемъ пришла мечтать
Тоскующая дѣвушка . . . Свѣтлѣютъ
Всѣ окна дальнихъ: тамъ — самовары,
И синій дымъ сигаръ, и плоскій смѣхъ . . .
Она пришла безъ спутниковъ сюда . .
Навѣрное, навѣрное прогонитъ

Затянутаго въ китель офицера
Съ вихляющимся задомъ и ногами,
Завернутыми въ трубочки штановъ!
Она глядитъ, какъ будто, за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то такъ далеко, такъ далеко,
Куда и я не въ силахъ заглянуть . . .

О, нѣжная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно пріискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Маріей! Теклой!
Да, Теклой! . . . — И задумчиво глядитъ
Въ клубящійся туманъ . . . Ахъ, какъ прогонитъ!
А офицеръ ужъ близко: бѣлый китель,
Надъ нимъ усы и пуговица — носъ,
И плоскій блинъ, приплюснутый фуражкой . . .
Онъ подошелъ . . . онъ жметъ ей руку! . . .
смотрятъ
Его глядѣлки въ ясные глаза! . . .
Я даже выдвинулся изъ-за склепа . . .
И вдругъ . . . протяжно чмокаетъ ее,
Даетъ ей руку и ведетъ на дачу!

Я хохочу! Взбѣгаю вверхъ. Бросаю
Въ нихъ шишками, пескомъ, визжу, пляшу
Среди могилъ — незримый и высокій . . .
Кричу: — Эй, Ѳекла! Ѳекла! — И они
Испуганы, сконфужены, не знаютъ,
Откуда шишки, хохотъ и песокъ . . .
Онъ ускоряетъ шагъ, не забывая
Вихлять проворно задомъ, и она,
Прижавшись крѣпко къ кителю, почти
Бѣгомъ бѣжитъ за нимъ . . .

Эй, доброй ночи!
И, выбѣгая на крутой обрывъ,
Я отражаюсь въ озерѣ . . . Мы видимъ
Другъ друга: — Здравствуй! я кричу . . .
И голосомъ красавицы — лѣса
Прибрежные отвѣтствуютъ мнѣ: — Здравствуй!
Кричу: — Прощай! — они кричатъ: — Прощай!
Лишь озеро молчитъ, влача туманы,
Но явственно на немъ отражены
И я и всѣ союзники мои:
Ночь бѣлая, и Богъ, и твердь, и сосны . . .

И бѣлая задумчивая ночь
Несетъ меня домой. И вѣтеръ свищетъ
Въ горячее лицо. Вагонъ летитъ . . .
И въ комнатѣ моей бѣлѣетъ утро.
Оно на всемъ: на книгахъ и столахъ,
И на постели, и на мягкомъ креслѣ,
И на письмѣ трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
«Цвѣты меня не радуютъ. Пишите . . .
«Простите и сожгите этотъ бредъ . . .»

И томныя слова . . . И длинный почеркъ,
Усталый, какъ ея усталый шлейфъ . . .
И томностью пылающія буквы,
Какъ яркій камень въ черныхъ волосахъ.

Шувалово

*

ВЪ СѢВЕРНОМЪ МОРѢ

Что сдѣлали изъ берега морского
Гуляющіе модницы и франты?
Наставили столовъ, дымятъ, жуютъ,
Пьютъ лимонадъ. Потомъ бредутъ по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздухъ сплетнями. Потомъ
Погонщики вывозятъ ихъ въ кибиткахъ,
Кокетливо закрытыхъ парусиной,
На мелководье. Тамъ, перемѣнивъ
Забавные тальеры и мундиры
На легкіе купальные костюмы,
И дряблость мускуловъ и грудей обнаживъ,
Они, визжа, влѣзаютъ въ воду. Шарятъ
Неловкими ногами дно. Кричатъ,
Стараясь показать, что веселятся.

А тамъ — закатъ изъ неба сотворилъ
Глубокій многоцвѣтный кубокъ. Руки
Одна заря закинула къ другой,
И сестры двухъ небесъ прядутъ одинъ —
То розовый, то голубой туманъ.
И въ морѣ утопающая туча
Въ предсмертномъ гнѣвѣ мечетъ изъ очей
То красные, то синіе огни,

И съ длиннаго, протянутаго въ море,
Подгнившаго, сѣрѣющаго мола,
Прочтя всѣ надписи: «Навѣкъ съ тобой».
«Здѣсь были Коля съ Катей». «Діодоръ
«Іеромонахъ и послушникъ Исидоръ
«Здѣсь были. Дивны Божіи дѣла», —
Прочтя всѣ надписи, выходимъ въ море
Въ пузатой и смѣшной моторной лодкѣ.

Бензинъ пыхтитъ и пахнетъ. Два крыла
Бѣгутъ въ водѣ за нами. Вьется быстрый слѣдъ,
И, обогнувъ скучающихъ на пляжѣ,
Рыбачьи лодки, узкій мысъ, маякъ,
Мы выбѣгаемъ многоцвѣтной рябью
Въ просторную ласкающую соль.

На горизонтѣ, за спиной, далеко
Безмолвнымъ заревомъ стоитъ пожаръ.
Рыбачій «Вольный» островъ распростертъ
Въ водѣ, какъ плоская спина морского
Животнаго. А впереди, вдали —
Огни судовъ и снопъ лучей бродячихъ
Прожектора таможеннаго судна.
И мы уходимъ въ голубой туманъ.
Косымъ угломъ торчатъ надъ моремъ вѣхи,
Метелками фарватеръ оградивъ,
И далеко — отъ вѣхи и до вѣхи —
Рыбачьихъ шхунъ маячатъ паруса . . .

Надъ моремъ — штиль. Подъ всѣми парусами
Стоитъ красавица — морская яхта.
На тонкой мачтѣ — маленькій фонарь,
Что камень драгоцѣнной фероньеры,
Горитъ надъ матовымъ челомъ небесъ.

На острогрудой, въ полной тишинѣ,
Въ причудливыхъ сплетеніяхъ снастей,
Сидятъ, скрестивши руки, люди въ свѣтлыхъ
Панамахъ, сдвинутыхъ на строгія черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоитъ матросъ, весь темный, и глядитъ.

Мы огибаемъ яхту, какъ прилично
И вѣжливо и тихо говоритъ
Одинъ изъ насъ: — «Хотите на буксиръ?»
И съ важной простотой намъ отвѣчаетъ
Суровый голосъ: — «Нѣтъ. Благодарю».

И, снова обогнувъ ихъ, мы глядимъ
Съ молитвенной и полною душою
На тихо уходящій силуэтъ
Красавицы подъ всѣми парусами . . .
На драгоцѣнный камень фероньеры,
Горящій въ смуглыхъ сумеркахъ чела.

Сестрорѣцкій курортъ

*

ВЪ ДЮНАХЪ

Я не люблю пустого словаря
Любовныхъ словъ и жалкихъ выраженій:
«Ты мой». «Твоя». «Люблю». «Навѣки твой».
Я рабства не люблю. Свободнымъ взоромъ
Красивой женщинѣ смотрю въ глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
«Сіяющій и новый день. Приди.
«Бери меня, торжественная страсть.
«А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый вѣтеръ
Морей и смольный духъ сосны
Ее питалъ. И въ ней — все тѣ же знаки,
Что на моемъ обвѣтренномъ лицѣ.
И я прекрасенъ — нищей красотою
Зыбучихъ дюнъ и сѣверныхъ морей.

Такъ думалъ я, блуждая по границѣ
Финляндіи, вникая въ темный говоръ
Небритыхъ и зеленоглазыхъ финновъ.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поѣздъ разводилъ пары.

И русская таможенная стража
Лѣниво отдыхала на песчаномъ
Обрывѣ, гдѣ кончалось полотно.
Тамъ открывалась новая страна —
И русскій безпріютный храмъ глядѣлъ
Въ чужую незнакомую страну.

Тамъ думалъ я. И вотъ она пришла
И встала на откосѣ. Были рыжи
Ея глаза отъ солнца и песка.
И волосы, смолистые какъ сосны,
Въ отливахъ синихъ падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звѣриный взглядъ
Съ моимъ звѣринымъ взглядомъ. Засмѣялась
Высокимъ смѣхомъ. Бросила въ меня
Пучокъ травы и золотую горсть
Песку. Потомъ — вскочила
И, прыгая, помчалась подъ откосъ . . .

Я гналъ ее далеко. Исцарапалъ
Лицо о хвои, окровавилъ руки
И платье изорвалъ. Кричалъ и гналъ
Ее, какъ звѣря, вновь кричалъ и звалъ,
И страстный голосъ былъ какъ звуки рога.
Она же оставляла легкій слѣдъ
Въ зыбучихъ дюнахъ и пропала въ соснахъ
Когда ихъ заплела ночная синь.

И я лежу, отъ бѣга задыхаясь,
Одинъ, въ пескѣ. Въ пылающихъ глазахъ
Еще бѣжитъ она — и вся хохочетъ:
Хохочутъ волосы, хохочутъ ноги,
Хохочетъ платье, вздутое отъ бѣга . . .

Лежу и думаю: «Сегодня ночь
«И застра ночь. Я не уйду отсюда,
«Пока не затравлю ее, какъ звѣря,
«И голосомъ, зовущимъ, какъ рога,
«Не прегражу ей путь. И не скажу:
«— Моя! Моя!» — И пусть она мнѣ крикнетъ:
«Твоя! Твоя!»

Дюны

*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

На страницѣ 97 внизу помѣщенъ по ошибкѣ знакъ *

Стр.

Цвѣтная обложка
работы
Н. Д. Милліоти

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ